

АНТОН КРАСНОВ
Душеприказчик

2006

Краснов А.

Душеприказчик / А. Краснов — 2006

Казалось бы, что может испортить жизнь молодому бездельнику Рэмону, сыну могущественного ллерда Вейтарволда?.. Нелепое и трагическое происшествие на торжестве, непостижимый случай, в результате которого усопший вельможа, дальний родственник Рэмона, встает со своего могильного холма! И при чем тут он, Рэмон?.. Но, верно, что-то кроется за чередой таинственных событий, раз даже ему, Рэмону Рраю, сыну Предвечного, приходится начинать жизнь с нуля и бежать, бежать с родной планеты Аррантидо куда-то на окраину галактики. В страшную глушь, да еще в сопровождении этого ужасного Гендаля Эркина, каторжника с планеты Керр! И кажется, весь мир замер вокруг тебя, как зверь перед решающим и роковым прыжком. И нелепо даже предполагать, что, возможно, именно ему, этому ничтожеству Рэмону, предстоит остановить зло, перед которым бессилен даже сам ллерд Вейтарволд, командующий Звездным Флотом, Предвечный.

Содержание

ПРОЛОГ С АУДИЕНЦИЕЙ	6
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4 (от Рэмона Ррая)	48
Глава 5 (от Рэмона Ррая)	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Антон Краснов Душеприказчик

ДУШЕПРИКАЗЧИК. В сравнительной аррантско-зиймалльской мифологии вторая душа асахи (см. асахи); после насильственной или естественной смерти у потенциального асахи активируется особый астральный ресурс, позволяющий ему воскреснуть и полностью восстановить свою физическую оболочку. Вне зависимости от того, насколько она была повреждена в результате смерти. Д. взамен души позволяет асахи прожить еще несколько лет после смерти, зато его возможности несравнимы с теми, что были до появления Д.

...Сходные представления о второй душе у человека были во многих земных религиях (ср. эфирное тело – нечто помимо души и тела, в христианской мифологии, и понятие «Ка» – в древнеегипетской)...

(О. П. Табачников-Лодынский. Из статьи в энциклопедии «Мифы Аррантидо-дес-Лини и Избавленных миров». Т. 2, С. 344. М.: Издательство при ОАЗИСе №12: Издательство «Большая аррантская энциклопедия», 2015-2016)

ПРОЛОГ С АУДИЕНЦИЕЙ

Аррантидо-дес-Лини, за несколько лет до основных описываемых событий...

– Говорите, что хотели. У меня не так много времени.

– Я... некоторым образом... ученый. Я с Зиймалля. Я работал с архивами Храма по личному разрешению предстоятеля Астаэра. Так вот, уважаемый ллерд Вейтарволд... мне удалось обнаружить в архивах очень примечательный документ. Он прекрасно сохранился и датирован очень отдаленным временем.

– Меня в основном заботят дела настоящего...

– ...и будущего?

– У вас какие отношения с Храмом? По нашему религиозному канону, будущее нельзя прозреть. Я, конечно, не в ладах с храмовниками-Аколитами, но это дурное основание для того, чтобы говорить в моем доме то, что они расценивают как ересь. Вы кто?

– Я... Табачников, Олег Павлович, ученый с Зиймалля.

– Это мне известно. Вы кто по специализации?

– Историк, этнограф, культуролог. Спец... специализируюсь по аррантской культуре.

– Тогда вам лучше моего должно быть известно, что аррантский Храм строго запрещает толковать или предсказывать будущее.

– Зато очень невнимательно относится к собственному прошлому!.. Я и не думал, что смогу обнаружить документ такой силы, красоты и, главное, важности – никому не нужный свиток Халлиома, древнее пророчество!.. Лежал на третьем уровне архивного хранилища, и шансов раскопать его там не было никаких! Как я и наткнулся-то?.. Гм... Простите, Ваша Светлость...

– Вообще я давно заметил, что ученые не умеют разговаривать с властями предержжцами. Ладно... Как вы назвали это ваше архивное открытие? Свиток Халлиома?

– Или копия с него. Хотя разница между подлинником и копией в данном случае несущественна. Аберрация дальности...

– Так. По порядку. Без этих ваших терминов. Что это за документ?

– Древний документ, датируемый третьим тысячелетием до Эры Близнецов, то есть имеющий возраст в восемнадцать тысяч лет!

– Возраст почтенный, что и говорить. И о чем же в нем идет речь? Я думаю, вам известно, что на Аррантидо не принято помнить свое прошлое, это считается признаком дурного воспитания.

– Я посвятил этому вопросу целую главу в своей последней книге...

– Тем лучше. Ну и?..

– Дело в том, что документ обращен ко времени, имеющему самое прямое отношение к нынешней эпохе. Более того, древнее пророчество прямо указывает ВСЕ даты, места и персоналии. Последних – ну разве что не называет по имени! Отсчет начала действия этого пророчества будет дан через четыре с небольшим года. Разрешите, я прочту вам некоторые выдержки из этого документа? Что меня восхищает в нем, так это то, что он соединяет несомненную поэтичность с документальной, почти протокольной точностью изложения!

– Обойдемся без выдержек. Я не ценитель словесности, тем более столь удаленной от нас во времени. Значит, вы утверждаете, что данное в этом документе пророчество...

– ...начнет сбываться через несколько лет, Ваша Светлость. Дело в том, что оно касается... ВАС, Ваша Светлость. И не только вас, но и отдельных близких вам людей.

– Довольно! Я не стану подвергать критическому анализу то, каким это образом некий прародитель аррантов сумел провидеть события далекого будущего. Не стану и осуждать вас за явно еретические, с точки зрения Храма, высказывания. Поступим вот как. Вы оставите мне

вашу находку, и я ознакомлюсь с ней, когда у меня будет больше времени. Скоро вас вызовут в мою резиденцию, и тогда поговорим более предметно. Если у вас недостаточно средств, чтобы прожить в Галиматтео с его высокими ценами еще несколько дней, то я могу дать указание своему казначею...

– Благодарю вас, Ваша Светлость, это излишне. Я... я сам. Вы только прочитайте... изучите, это моя единственная просьба. Мне кажется, что ваша прагматичная цивилизация недооценивает духовные и экстрасенсорные возможности человека, в то время как...

– Вот что! Я отнесся к вам с пониманием, но злоупотреблять им тоже не следует. Вас вызовут. Это всё!

Уходя, Табачников пробормотал себе под нос: «Значит, зацепило... Взял для ознакомления... А что, если... если красивая легенда о нашествии даггонов, о таинственных асахи... о сыновьях ллерда Вейтарволда имеет под собой реальную почву? Ведь есть те, кто верит в это!»

Часть первая ПРАЙ В «ШАЛАШЕ»

Глава 1 ЕСТЬ НАД ЧЕМ ПОДУМАТЬ...

Зиймалль-ол-Дез (Земля), пятая территория Избавления Июнь 2005 года по местному летоисчислению

– Ну, здравствуй, милый!

Человек, которому были адресованы эти приветливые слова, в ответ только заморгал глазами и сглотнул. Встречное приветствие застряло в глотке, и он подался вперед, словно желая откашляться. У стоявшего за его спиной референта даже возникло подспудное желание похлопать по спине шефа ладонью, но он, разумеется, не посмел. К тому же хлопать по спине собственного начальника перед глазами Генерального Эмиссара, взирающего на тебя с огромного плазменного экрана, – это по крайней мере дерзость, не совместимая с дальнейшей работой на власть. И даже с жизнью.

– Здравствуй, милый мой, – повторил Генеральный Эмиссар, – ну что ж, не буду тебя долго умолять здравствовать. Конечно, то, что я тебе хочу сообщить, строго секретно, но так и быть...

«Милый мой» вытянулся во весь свой небольшой рост и постарался максимально втянуть объемистый живот. Блюсти осанку было важно: Эмиссары, в частности, равно как и все начальство из Метрополии в целом, чрезвычайно падки на внешний вид подчиненных.

Не был исключением и Генеральный Эмиссар¹ ОАЗИСа № 12 представительный аррант с коротко остриженными желтыми волосами и до смешного узко поставленными глазами цвета морской волны. Его упитанное тело было закутано в светло-голубой пеллий – любимую одежду знатных аррантов. Тончайшая золотая нить оплетала правую руку прихотливым узором. Ошеломленно буравящий его глазами губернатор Антонен Ы Лакхк, глава Средневожского округа (губернии) при ОАЗИСе №12, прекрасно знал, что золотая нить – вовсе не роскошь. Арранты вообще не считают золото большой ценностью, кроме того, «золотой» нить именовалась скорее по инерции, по сложившейся традиции. На самом деле она была не из золота, а из композитного и уникально информоемкого материала, названия которого губернатор выговорить даже не пытался. Уж слишком не соответствовали его толстые губы и костенеющий в присутствии начальства язык сложной фонетике древнего аррантского языка.

Но о золотой нити и о том, составной частью чего она является, – позже. Да и не об этом думал сьорд² Антонен Ы Лакхк. Гораздо больше занимало то, с какой целью его беспокоил сам Генеральный Эмиссар ОАЗИСа, один из восемнадцати, полномочный представитель Метрополии на планете Зиймалль-ол-Дез, самому губернатору более известной как Земля. Обычно он видел Генерального два раза в год в конференц-зале Плывающего дворца, да и то с почтительного расстояния, дававшего некоторую иллюзию безопасности. Ведь помимо Антонена Ы Лакхка в громадном конференц-зале находилось еще триста человек, представителей

¹ Здесь и далее титулы и должности уроженцев Аррантидо-дес-Лини передаются их земными эквивалентами – для удобства восприятия. Воспроизводить буквально – занятие неблагодарное. Так, к примеру, должность, обозначенная в тексте как Генеральный Эмиссар, на среднеаррантском звучит как «Ыкльолламрр делла кйорр» и переводится примерно как «Верховный податель дружеской помощи младшему брату». Арранты вообще любят высокий слог, несмотря на свой прагматизм и рациональность в быту. – *Здесь и далее примеч. автора.*

² По всей видимости, произносимое на аррантский манер русское обращение «сударь».

всех тридцати трех округов ОАЗИСа №12. А тут он – практически один на один с Генеральным, и за спиной застыл заместитель, смиряющий в теле предательскую дрожь, и неизвестно, чем кончится эта аудиенция, из великой чести уже начинающая претворяться в пытку!..

Конечно, Генеральный Эмиссар заметил, как побледнело и вытянулось пухлое, заметно рыхловатое лицо губернатора. Наблюдательный и рассудительный, как все арранты, он однако же предпочел не добивать подчиненного, а перешел на более доверительную манеру общения.

– *Vene*³, успокойся, Антон Иванович, – произнес он, называя губернатора Антонена Ы Лакхка не на аррантийский лад, как того требует формат официальных документов Метрополии, а именем, которое бедняга получил от родителей. – Ты присядь, успокойся. Что ты вытянулся? Лучше послушай, что я тебе скажу. Для чего я, собственно, перед тобой соблаговолил появиться. Ты вот как сам думаешь: за тобой ничего такого не числится, нет?

Антон Иванович старательно выпучил глаза. По всей видимости, это должно было означать напряжение всех умственных и моральных сил, а также памятных структур – дабы вспомнить, в чем же таком он мог провиниться перед своим непосредственным руководством?.. И перед всемогущей Метрополией в целом. Генеральный Эмиссар наблюдал за этими потугами, кажется, довольно снисходительно. Антон Иванович стал вздыхать и вытирать со лба обильно струившийся пот. Этого болезненно чистоплотный, как и все арранты, Генеральный Эмиссар терпеть не стал и заметил:

Так, довольно. Значит, ты у нас совершенно чист перед высшими инстанциями? Это может вызывать только уважение. Тогда за каким же, да простят меня все Предвечные, казусом сюда присылают представителя Высшего Надзора... гм... кажется, в переводе на ваши понятия – прокуратуры?

Прокуратуры... – пробормотал Антон Иванович, и его рыхлый подбородок нервно дернулся.

Генеральный Эмиссар некоторое время молчал, оценивая состояние собеседника, и наконец вымолвил, поджав тонкие губы:

– Значит, так. Вспоминай, чем это ты мог вызвать такое пристальное внимание Высшего Надзора Содружества Близнецов? Только не крути. Я тебя насквозь вижу и к тому же не хочу, чтобы с тобой что-нибудь нехорошее произошло. А шансы у тебя имеются: бретт-эмиссары Высшего Надзора не так часто направляются на территории Избавления.

Антон Иванович старательно наморщил лоб. Конечно, ему было что вспомнить и проанализировать, и более всего не давала покоя история с таинственной гибелью аррантского подданного, да не где-нибудь, а в непосредственной близости от главного города губернии, приданной Антонену Ы Лакхку...

Из-за него? Из-за этого арранта, знатока земной истории и любителя поучаствовать в археологических партиях?! Как его, бишь?.. Ну да – Ловилль! Имя скорее французское, чем инопланетное. Лекх Ловилль, ученый аррант, следы гибели которого было видно даже с вертолета...

Ретроспектива 1. Май 2005

Над зеленым морем волнующейся травы вздыбился крик. Орала так, как будто живой источник этого вопля только что получил под ребра добрую четверть метра оружейной стали: Лёха! Лё-о-о-оха!!! Лё-кха!..

Да что ты так орешь? – отозвался тот, кого выкликали таким настойчивым манером. – Как будто я глухой, Слава.

³ Хорошо (*лат.*). С определенных пор арранты вообще полюбили латинский язык, называли его наиболее разумным и ясным языком из всех когда-либо созданных на Земле. Об этом также см. ниже.

Да, ты, конечно, не глухой, – словоохотливо пояснил Слава. – Но слышишь почему-то не то, что до тебя хотят донести. Станный у вас какой-то слуховой аппарат, наверно. Хотя вы же себе поставили акустические адаптеры, чтобы общаться с нами безо всяких проблем. Только вот, похоже, всех проблем общения эти хитромудрые машинки решить не могут. Хотя вы у нас уже полвека пасетесь, избавители вы наши.

Лекх Ловилль, именуемый на местный манер попросту Лёхой, поморщился, и его внушительные ушные раковины заметно зашевелились. Слава Нефедов, показавшийся из-за деревьев на лесной опушке, хитро ухмыльнулся. Способность ар-рантов шевелить ушами как слоны, а также до известной степени менять черты своего лица, всегда вызывала у него забавные ощущения. Нефедов закинул на плечо сумку, в которой что-то булькало и перекатывалось, и проговорил:

– Ну что, что?.. Хочешь сказать ответную гадость, да?

– Вот ты говоришь, – немедленно отозвался Лекх, – что мы с вами вместе около пятидесяти лет, но иногда до сих пор не можем найти с вами, коренными жителями, общего языка. Так? Да ничего удивительного тут и нет, все-таки мы очень разные.

– Мы разные?! – хмыкнул Нефедов. – А мне, напротив, казалось, что вы все удивительно на нас смахиваете?

– Мы – на вас?! – с ноткой высокомерия отозвался Ловилль, но тотчас же переменял тон: – То есть, конечно, определенное сходство есть. Даже очень значительное сходство...

– Да у вас куда больше сходства с нами, чем с разумными плазмоящерами, ну? С какой-то там наполовину газовой планеты, с нее недавно вычищал этих зверюшек ваш Звездный флот, – насмешливо отозвался Нефедов.

Арранты не выносят иронии, и Лекх Ловилль, при всей своей терпимости, вспылил:

– Нет, все-таки не понимаю я вас, местных!.. А чем вы лучше? Вы, люди, даже друг с другом договориться не можете, хотя одной крови и говорите изначально на одном языке! Не мне напоминать, что творилось у вас на планете, когда мы все-таки решили развернуть миссию Избавления!

Слава Нефедов поморщился:

– Ой, Лёша, вот только не надо меня лечить этими вашими постулатами об идеально сбалансированном существовании. Меня травили ими еще в пору обучения в нашем ОАЗИСе. Ужасное занудство! Хотя, конечно, в логике моим наставничкам отказать сложно. Мне еще Олег Павлович нудил...

– Какой Олег Павлович? – с живостью спросил Ловилль. – Не профессор ли Табачников-Лодынский?

– Он самый. Его, правда, уже с кафедры отправили. С тех пор как года четыре назад вернулся с Аррантидо, у него совсем крыша поехала... Старенький он стал, говорят, потихоньку в маразм скатывается.

– В какой еще маразм?! – возмутился Ловилль.

– Сенильный, – непередаваемым тоном ответил Нефедов и хитро ухмыльнулся: – Ну ладно, пора раскладываться и жарить шашлыки.

Лекх Ловилль сделал неопределенный жест левой рукой. Несмотря на то что жил на Земле уже несколько лет, он никак не мог привыкнуть к тому, в каких количествах (по мере возможности) эти земляне поглощают животную пищу. Наверно, он хотел немедленно сообщить об этом – арранты считают хорошим тоном озвучивать критику в адрес Избавленных цивилизаций, – но не успел, потому что на поляну вышли еще двое, парень и девушка. Девушка в платье, напоминающем по покрою аррантские пеллии, а ее плотный и круглолицый спутник – в укороченных штанах до середины лодыжки и в футболке из материала, напоминающего рыбью чешую. По «чешуе» перебегали, отражаясь и весело играя, вертявые солнечные зайчики.

Нефедов помахал молодым людям рукой и воскликнул:

– А мы уж подумали, что вы зарылись в городище и не желаете вылезать из земли! Пора бы перекусить.

– Хорошая мысль, – отозвался парень. – У меня тут телятинка деревенская. Дед прислал. И свининка есть... Только ее всухую потреблять как-то... гм...

И он бросил на Нефедова выразительный взгляд. Собственно, его глаза фокусировались даже не на самом Славе, а на его сумке, закинутой на плечо. Нефедов прищурился и промолвил со смешком:

– Понятно. Жажда измучила. Пиво есть – холодное. Водки не брали. Рано еще водку пить, еще не наработали. Лёха вот вообще развернул антиалкогольную кампанию. Убеждал меня в том, что нужно к мясу взять фруктовых соков. Требовал у продавца какой-то... гм... майловый сок. А нам предлагали только томатный и яблочный. Лёха обиделся и пошел в лагерь пешком.

В тени огромного развесистого вяза находилось то, что Нефедов громко поименовал лагерем: две походные брезентовые палатки, возле которых притулился старенький автомобиль марки «Аккорд-55». На Избавленных территориях не разрешалось пользоваться аррантской техникой, куда более совершенной, но коренные жители не уставали утверждать, что их собственные машины гораздо удобнее. К числу этих оптимистов принадлежали и Слава Нефедов с его упитанным другом Димой и Сашей, девушкой Димы. Саша так и вовсе утверждала, что высокотехнологичный аррантский транспорт вызывает у нее тошноту и головокружение. Куда уютнее старые добрые «аккорды», ЗИСы и американские «форды-триоль», которые, кстати, собирали на заводе в окрестностях Волгограда, родного города Нефедова и всех прочих.

– Лёха пошел пешком, а я поехал на колесах, – продолжал Нефедов. – Там в машине еще есть помидоры, глейи⁴ и банка соленых грибов. Хотя грибы – это, конечно, не к пиву закуска.

Дима Нестеров выволок из машины железный мангал и, установив его на ножки, стал раскладывать огонь. Лекх Ловилль хотя и не первый раз был в археологических экспедициях с неизменными пикниками на природе, тем не менее наблюдал за действиями Димы с явным любопытством.

– А у нас нельзя разжигать огонь в лесу, – сказал он. – У нас так не принято. Планета такое же живое существо, как и мы, только это другая форма жизни. Нельзя причинять боль такому огромному живому существу. Боль – это функция зла. Лучше сразу убить, чем задавать испытание страданием, и...

– Та-а-ак! – буквально взвыл Нефедов. – Лёха, ты своим занудством сейчас нам весь аппетит перебьешь!

– Да, – сдержанно сказал Дима, – мы, конечно, интеллигенты. По крайней мере, я. Но эти споры о разнице в культурах... они как-то... так сказать, не способствуют аппетиту. Тем более, Лёша... вы как начнете со Славкой спорить, до вечера не остановитесь. Завтрашнего. Поэтому предлагаю покушать. А так хоть рты будут заняты.

– Вот она, тысячелетняя человеческая мудрость! – воскликнул Нефедов. – Понял, Лёха?

Приступили к кулинарному священнодействию, и вскоре по поляне потекли такие аппетитные запахи, что даже Лекх Ловилль с удивлением был вынужден признать, что всецело захвачен предвкушением трапезы. Впрочем, аррант-правдолюбец попытался выдвинуть еще и пару тезисов о вреде перенасыщения организма животными белками, но ему сунули бутылку «Жигулевского» и таким незамысловатым манером принудили к молчанию.

⁴ Плоды растения глейираль, экспортированного на Землю с Арранти-до-дес-Лини. Представляют собой нечто среднее между вишней и яблоком. Любимое лакомство аррантских Аколитов.

Поели. Сытость, как это общеизвестно, располагает к рассуждениям, и потому Слава Нефедов, растянувшись на молодой траве и сунув за ухо молодой клейкий одуванчик, промурлыкал:

– Нет, все-таки не понимаю я вас, аррантов. Как можно жить на каких-то дурацких техногенных платформах высоко над поверхностью планеты? Ведь на твоей родине, Лёха, моему, именно так и обитают?

Нефедов прекрасно знал ответ, но ему нравилось подшучивать над показательно правильным и совершенно лишенным такого чувства, как самоирония, Лекхом Ловиллем. Арранты вообще склонны все воспринимать серьезно. Вот и сейчас – Ловилль вытер узкие губы платочком, негромко кашлянул и проговорил:

– Видишь ли, Слава. Наша цивилизация всегда обладала пиететом к родной планете. Разве можно так издеваться над природой, как это делаете вы, земляне? Если бы ты побывал на Аррантидо-дес-Лини и спустился на поверхность планеты, ты понял бы, в каком порядке нужно содержать свой мир. Экологические соображения выведены на уровень идеологии и религии. А вы?.. Насколько я помню, миссия Избавления вашей планеты была начата в тысяча девятьсот шестьдесят втором году по вашему летоисчислению. Интересно, что было бы, не вмешайся мы, арранты. Скорее всего, вы бездарно бы уничтожили друг друга. Люди – людей!

– А что было бы? – вмешалась Саша.

– Наш уважаемый инопланетный друг имеет в виду Карибский кризис шестьдесят второго года, когда два глобальных блока стран, социалистический и капиталистический, едва не развязали ядерную войну, – снисходительно пояснил Дима Нестеров, с места в карьер взяв солидный менторский тон. – Тут-то и началось...

– Вот именно! – воскликнул Лекх Ловилль, уже заметно горячась. – В самом деле, если человеческой цивилизации тогда надоело жить, зачем же портить такой прекрасный мир, как ваш? Нужно и о других подумать! При ограниченности приличного жизненного пространства в нашей Галактике...

– Лёха!

– Люди Земли должны быть нам благодарны: им есть на кого свалить все, – бормотал Лекх Ловилль. – И, Единый, это же непродуктивно: испоганить прекрасную планету ради уничтожения каких-то трех с половиной или четырех миллиардов не РАЗУМНЫХ существ, да еще таким грязным и примитивным методом, как горячий термоядерный синтез!..

– Сколько раз тебе говорить, Лёша, что не нужно употреблять за едой такие словосочетания, как этот твой «термоядерный синтез», – укоризненно заметил Нефедов.

– Мой?!

– Да будет вам, парни, – спокойно сказал Дима Нестеров, у которого был чрезвычайно довольный вид, а массивные щеки даже порозовели от сытости, – каждый раз одно и то же мусолите. Откуда мы знаем, что было БЫ, не появившись в нашем мире соплеменники Лёши. Может, было бы хуже, а может, и лучше. Да и о бескорыстной помощи отстающим цивилизациям не надо, Лёша! Если не ошибаюсь, вы весьма активно выкачиваете наши недра. Не спорь, не спорь!.. И насчет отсутствия притеснений – это только потому, что мы легко друг к другу притерлись. У аррантов и людей просто положительная комплиментарность, то есть – проще – устроили друг друга в сосуществовании...

– Теперь и ты туда же, – улыбнулась Саша. – Комплиментарность...

– А насчет оружия... – продолжал Нестеров, не обращая внимания на подругу, – у вас, Алексей, тоже есть образчики, которые явно не пацифисты придумывали. Взять хотя бы эти пресловутые «мымыры». Кстати, недавно слушок прошел, что задержана партия «мымыр» за пределами ОАЗИСов. И не где-нибудь, а тут, у нас в округе... в губернии. Оружие, понятно, не сертифицировано. К тому же новейшая марка – ЛВВ-40, «юбилейка».

– А что такое «мымыра»? – шурясь на солнце, спросила Саша.

– Это такая штука, которую изобрели на родине Лёхи человеколюбивые арранты-Избавители, – с добродушной иронией отозвался Слава. – Мономолекуляторы, они же ММР, они же «мымры» – милейшее оружие. Принцип действия – ох! Направляешь такую «мымру», скажем, на руку – хоп! – и нет ладони. ММР просто разрывает ее на молекулы, дробит, уничтожает! Особенно мощны ММР последней серии, те самые «юбилейки», выпущенные в канун сорокалетия Избавления. ЛВВ, «Ллерд Вейтарволд», если расшифровать... Назвали в честь прежнего Генерального Эмиссара, члена Совета Трех. «Мымра»! Это вам не наши примитивные огнестрельные «волыны», которыми пользуются вымиравшие земные бандиты, да уж! – И неисправимый Нефедов лукаво глянул на арранта.

– Зато боли не почувствуешь, – парировал тот. Без особого, впрочем, энтузиазма. – ММР действует мгновенно и безболезненно. Конечно, если целить в жизненно важный орган, а не в ногу или руку, как ты только что сказал. Тут своего рода милосердие, и...

– Ну конечно! – не желая слушать в очередной раз бред про «милосердие», перебил Дима и протянул руку за очередной порцией жаренного на углях мяса. – «Зато не больно»... Прямо как в древнем анекдоте, его еще при наших дедах придумали, когда у нас тут Союз был. Встретились англичанин, француз и русский...

– Англичанин? – подняла голову Саша.

– Да. Это которые живут близ ОАЗИСа № 3, на Британском архипелаге... – выдал энциклопедическую справку Дима и продолжил: – И русский. Заговорили о животноводстве и о том, как умерщвляют животных на родине каждого из них. Англичанин говорит, что мясо у их коров и овец такое нежное и вкусное потому, что перед забоем животное кормят особыми травами. Француз говорит, что у французских коров мясо еще нежнее, потому что животным дают слушать лучшую классическую музыку. А русский бормочет: «А у нас на прилавках в мясных магазинах... рога, копыта, кости! Динамитом рвут, наверно!»

Никто не засмеялся. У Лекха Ловилля даже стало какое-то обеспокоенное, жалобное лицо, он подался ближе к рассказчику, губы едва заметно подрагивали. Дима махнул рукой и сказал:

– Ладно... хрен с ними, с коровами. Проехали.

Лекх тряхнул головой и быстро, не очень разборчиво и довольно бестолково заговорил что-то об особенностях здешней природы и о том, что она напоминает ему отдельные области его собственной планеты. Его, кажется, не слушали. Впрочем, он и не требовал благодарного слушателя. Но вдруг осекся на полуслове и стал крутить головой, а потом поднялся с раскладного стульчика и сказал:

– Я... это... отлучусь на пару минут.

– Там есть очень уютная низинка, – сказал Нефедов. – Только осторожнее, Лёха, тропка неровная, полно кочек. Тебе как, совсем приспичило? Э... ты чего это, Лёха?

На лбу Ловилля выступили капли пота. Крупные капли, одна из них даже скатилась до самой переносицы, а еще одна пробороzdила влажную дорожку по горбинке носа и повисла на ноздре. Саша подняла голову и, чуть сдвинув белесые брови, сказала:

– Что это?.. Леша, тебе нехорошо, да? Ты и не пил вроде...

– Телятина свежая, так что мясо тоже ни при чем, – добавил Дима Нестеров.

– Телятина!..

– Да я ничего, ребята, – отозвался аррант, – мне... может, я еще не совсем привык... Сейчас вернусь.

Он встал и, осторожно ступая, словно под ногами была не уютная травянистая полянка, а опасная трясина, направился в сторону леса. Там, за деревьями, и была низинка, о которой упоминал Нефедов. Тропинка круто ныряла вниз. Беспоконное движение воздуха, шум ветвей и пение птиц, ни на секунду не смолкавшие в самом лесу, сменялись здесь сырой прохладой, полумраком, и только шелестел, осыпаясь с крутых склонов, желтоватый песок. Ловилль про-

шел по тропинке, опасно раскачиваясь и бросая вокруг себя быстрые беспокойные взгляды. Что с ним?.. Такое было, когда однажды в городе он потерял свой акустический адаптер – прибор, с помощью которого слух аррантов, достаточно отличный от человеческого, подгонялся под земной образец для удобства пользователя. (Тогда, без адаптера, ему казалось, что тишина, как непомерная тяжесть, грузно села на него, свинцом сдавила виски, стиснула череп... Гулкое, враждебное молчание чужого города. Мир замер, присел, как хищник, приготовившийся к прыжку. Лекх Ловилль остановился посреди городской трассы, не замечая натывавшихся на него шумных прохожих, и лишь металась в равнодушных витринах слепящие солнечные зайчики.) Вот и ТЕПЕРЬ, в этой низинке, все звуки как отрезало, и даже вывернувшийся из-под ног ручей, который должен шуметь и резвиться, как щенок... даже он показался глухим и равнодушным. Ловилль присел на корточки и зачерпнул горстью прозрачную воду. Он смочил лоб и волосы на висках, которые и без того слиплись от пота.

В ушах вдруг пролилась короткая, удивительно красивая мелодия. Это была не какая-то знакомая музыка, которую машинально воспроизводишь, напеваешь про себя. Мелодия была чужая, удивительно красивая и холодная. Словно звенел самый музыкальный в мире лед...

Мелодия прекратилась.

«Что со мной? В самом деле, никогда подобного не испытывал. Нет, человеческая кухня тут ни при чем, да и должен я привыкнуть к ней... за столько-то лет. Нет, на это грешить не приходится. В чем же дело? Воздух густой, как кисель, приходится буквально продавливать его... такая бестолковая, неуместная слабость! Музыка в голове... Вода... какая холодная вода в этом ручье!..»

Вода в самом деле была такой холодной, что обжигала пальцы. У Лекха свело судорогой суставы, но, как ни странно, от этого даже стало легче. Хоть какое-то настоящее, пусть и болезненное, ощущение среди этих смазанных красок, остановившихся и умерших звуков, безжалостно раздавленного восприятия всего того, что окружает его здесь!..

Лекх Ловилль поднял голову. Он сам не понял, что подвигло его на это. Потому что голова мгновенно налилась свинцом, и ему казалось, что малейшее движение, малейший кивок ею приведет к тому, что треснет, не выдержав, лобная кость или же лопнут, вспучившись, виски... И тут он увидел, что из длинной, извилистой трещины в земле в нескольких шагах от него идет белый дым. Белый, морозный дым. Аррант был вне его досягаемости, но ему сразу показалось, что стоит рукам или ногам коснуться одной из струек этого дыма, как тело немедленно оледенеет.

Сначала из трещины появились три струйки, но потом Ловиллю показалось, что их стало пять или семь... Он вдруг резко поднялся, не обращая внимания на острую, кинжальную боль в голове, и шагнул прямо в ручей.

Нога сразу ушла по колено в ил. Ловилль уперся левой рукой в землю и заколотил свободной ногой по бережку проклятого ручья. Жадно чавкнула грязь, и тогда аррант, которого буквально сковал ледяной, парализующий животный страх, испустил свой первый крик. Длинный, тоскливый, срывающийся на визг, а в конце перешедший в жалобное стенание.

С десяток струек странного дыма, переплетаясь в сложном завораживающем танце, плясали у него перед глазами.

Ребята на поляне услышали крики практически сразу. Нефедов кубарем скатился в низинку и столкнулся с Ловиллем, спешащим навстречу. Аррант тяжело дышал, трясся всем телом и пытался смахнуть с левой ноги налипшую бурую грязь. Пальцы обеих его рук были скрючены, как от длительного пребывания на морозе, лунки ногтей побелели.

– Лёха, ты чего?.. – оторопел Славка.

Тот попытался ответить, но только бессильно клацнул зубами...

Тонкие, едва осязаемые нити ОЩУЩЕНИЯ дотянулись до него. Он так давно ожидал этого, он думал, что испытает радость или торжество, но в первое мгновение был скомкан, выжат этим страхом, страхом тысячелетий. Морозным ужасом вечности. Он попытался пошевелиться, но его усилие пропало втуне, потому что слежавшиеся пласты земли вокруг слишком долго были рядом, так долго, что привыкли считать его плоть частью себя. Еще не было ни зрения, ни слуха, ни осязания, только тянулись к ожившим ноздрям эти две ниточки едва уловимого запаха – душного, нежного запаха плоти. Запаха жизни, НОВОЙ жизни. Перед мысленным взором вдруг появились какие-то мигающие прерывистые полосы, в них проскакивали беззвучные вспышки; возник вымученный рваный хрип, а потом пришла боль – тягучая, разламывающая, монотонная... Так возвращались ощущения этого мира. Последним явилось имя. Его появление было самым мучительным, пробуждающееся сознание накрыло пенящейся волной судорог, из которых, дрожа, ломаясь и неловко заостряясь, проступили несколько причудливых знаков. Они походили на больных пауков с переломанными лапами, они дергались в танце боли и наконец застыли, сложив из своих костенеющих тел имя: ЗОГТАЙР...

– Лёха, что с тобой творится? Диман, водка есть?..

– У тебя должна же быть в машине.

– А, точно! Тащи сюда... Разожми ему челюсти... Он как будто с полюса вернулся. Вышел из зимы...

Лекх Ловилль открыл глаза. Он был простерт на траве, тонкий слой грязи на ноге уже высох и превратился в неопрятную бурую корочку со светлыми разводами. Голова арранта лежала на коленях Нефедова, и последний вливал ему в рот водку прямо из бутылки. Местная панацея, лекарство от всех горестей и бед, подействовала незамедлительно, безотносительно к неземному происхождению пострадавшего. Водка есть водка!.. Эту фразу Славка повторил два или три раза, прежде чем Лекх Ловилль ощутил, что чувствует себя значительно лучше.

– А теперь объясняй.

– Дым... белый дым... Там, в низине.

– Возгорание, что ли?

– Наоборот.

– Что значит – наоборот?

– От огня – горячо. А это дым, он – наоборот... Морозный. Там треснула земля... и из трещины валит дым, – произнес Ловилль безжизненным голосом.

Славка лишь пожал плечами, а Саша сказала:

– Не знаю, что там за дым такой, но он в самом деле... Дрожит, руки и ноги холодные, как будто из холодильника вылез.

– Между прочим, Лёха у нас парень не робкого десятка, – убежденно сказал Нефедов. – В позапрошлом году, зимой, кстати, мы напоролась на Груздя, точнее, не на самого Груздя, а на его ублюдков. Ну, Толян Груздев, наш доморощенный Робин Гуд. Хотели они нам карманы почистить от накопившегося там мусора – денег там, инфокарт и все такое... Так выяснилось, что у Лёхи очень приличный левый хук, а также прекрасный аппарат.

– А вот мы сейчас пойдем и посмотрим, что там такое на самом деле, – неспешно проговорил Дима, тщательно прожевав мясо. – Может, действительно что-то любопытное. По крайней мере, я у нашего инопланетного опекуна такого лица еще не видел.

Саша тронула Нестерова за крутое плечо и отозвалась негромко, чуть дрогнувшим голосом:

– Вот что, мальчики... может, домой поедет? Вы, конечно, выпили... но ведь это так, в меру, правда? Мы же все равно собирались сегодня в город ехать. А Леша даже в ОАЗИС хотел вылететь завтра поутру. У тебя ведь там какие-то дела, да, Лешка? К тому же он... он не совсем здоровым выглядит. Руки ледяные, а вот лоб... да у него лоб пылает! – воскликнула

она, едва прикоснувшись рукой к голове Ловилля. – Нужно немедленно отвезти его в город и уложить в постель, и никаких походов в холодные сырые низины, где к тому же валит какой-то дурацкий холодный дым!.. И вообще, как дым может быть холодным? К тому же морозным?

Лекх Ловилль смотрел то на Сашу, то на склонившегося над ним Нефедова, уже переключившего свое внимание с арранта на бутылку водки, содержимым которой он потчевал ново-явленного страдальца. Лекх Ловилль смотрел на своих друзей, но видел почему-то не их молодые лица, омраченные тревогой за здоровье уроженца Аррантидо-дес-Лини... Нет. Перед его глазами плыли, переплетаясь, притягивая и завораживая, белые струйки, вытекающие из треснувшей земли... Они казались ему то белыми змеями, то прихотливо извивающимися фигурами танцовщиц... Ловилль не знал, ЧТО это и очевидцем ЧЕГО довелось ему стать. Да это и неважно!.. Однако он твердо осознал и понял, что ему нужно вернуться туда. Вернуться немедленно. Слабые возражения рассудка, голос инстинкта самосохранения – все было заглушено властным зовом из низины; хрустнула и переломилась, как тонкая сухая ветка под ногой путника, его, Лекха Ловилля, – воля.

Он почти грубо оттолкнул Нефедова, резко поднялся и, мотнув головой, направился обратно.

– К-куда это он? – вырвалось у Саши, и девушка подняла обе руки к лицу, словно желала закрыть его ладонями.

– А ты не видишь? Туда же, в низинку!.. – откликнулся Дима. – Не надо было, наверное, его водкой из горла поить. Черт их знает, аррантов! Это у нас на десять поколений в обе стороны – сплошные любители выпить, а кто не любитель, тот профессионал. А у этих инопланетян реакция на спиртное совсем уж непредсказуемая!

– Как ты вовремя об этом, вспомнил, дорогой мой Дмитрий, – с нескрываемым сарказмом в голосе отозвался Слава. – Ну что, пошли его вылавливать из оврага? В прошлый раз он белый дым увидел, а теперь может и до зеленых чертей доискаться!..

Ребята вскочили и бросились вслед за Ловиллем. Когда все трое оказались на краю оврага, аррант был уже на середине спуска. Он шел по тропинке быстрым, удивительно устойчивым шагом, и сразу же в мозгу всех троих его друзей всплыли ассоциации с цирковым канатоходцем. Без страховки.

Дима замер у самого спуска, оступился и едва не сорвался в пустоту, но Нефедов успел вовремя подхватить приятеля под локоть.

– В самом деле – дым, – выговорил тот.

Белые струи выползали из многочисленных трещин в земле; устремляясь вверх или стекая у самой земли, сплетаясь в клубки, они лезли, словно дождевые черви, под воздействием электротока из влажной земли. А еще из низины тянуло ХОЛОДОМ. Нет, не той благотворной, тенистой прохладой, что встречается летом в таких вот зеленых низинках. Именно холодом, продирающей до костного мозга ледяной стужей.

– Так... – выговорил Дима. – Неудивительно, что Лёха закоченел. Такое впечатление, что тут лопнул контейнер со сжиженным газом. Чего, конечно, быть не может. Чертовщина какая-то!

Пока он рассуждал, Слава Нефедов уже рванулся вниз по тропинке, крича во все горло:

– Лёха! Лёха! Куда ты поперся-то?! Напился – веди себя прилично! У меня такое ощущение, что здесь опять какой-нибудь нелегал из ОАЗИСа сбросил и закопал емкость с отработанными материалами охладителей с... бррр, какой холод!

Лекх Ловилль совершенно не реагировал на крики и пыхтение Нефедова у себя за спиной. Он шагал в глубь низины твердым, уверенным шагом. Он не замечал ни побуревшей травы, ни выступившей на поверхности почвы кристаллической наледи, сероватой, похожей на поваренную соль. Только один раз он сбился с шага – когда ступил на лед.

Это замерз ручей, из которого несколько минут назад Лекх Ловилль ополоснул лоб и виски.

Близко. Совсем близко. Даже не верится, что невозможное вдруг обросло плотью, обрело узнаваемые черты и ту вожденную, искомую суть, которая способна вырвать его из этих пластов древней земли. Ведь он уже увидел и вспомнил свое имя: ЗОГ'ГАЙР. Теперь это имя, будто сложенное из окаменевших от боли пауков, оживало, трепетало, требовало вдохнуть в себя новую жизнь, жадно всасывало в себя эманации чистого, ничем не замутненного первовещества – души и тела АРРАНТА. Шаг, еще шаг. Уже можно почувствовать, как режут, распарываясь, расходясь трещинами, тысячелетние пласты земли. Стылый холод небытия истекает, бессильно выдавливается струйками дыма, густеет, оседает острыми серыми кристаллами. Словно они, как и этот холодный белый дым, когда-то были его кровью, живой кровью существа ДАГГОНА. Вырваться, вырваться из собственной окаменелой, опостылевшей, тысячелетиями сжимавшей его оболочки!.. Выпрыгнуть, припасть к источнику спасения – нет-нет, не по глоточку, а одним упоительным мгновением выпить, выжать силу!.. Вот идет жертва. Шаг за шагом – к нему. Зог'гайру... Еще шаг. Еще. Еще!..

– Лёха-а-а!!!

Нефедов видел, как поскользнулись ноги Ловилля и как, взмахнув руками, тот не без труда сохранил равновесие. Слава сделал два огромных шага, тоже едва не поскользнулся на последней трети уже обледеневшей тропинки. Под подошвами завизжало, закрипело. Отвердевшая бурая трава больно резала голые лодыжки, а странное онемение, вскарабкавшееся по ногам уже почти до колена, на секунду заставило Нефедова поверить, что вовсе не на живых ногах, а на мертвых протезах идет он в глубь этой зловещей, нелепо и жутко промерзшей низины...

Он скрипнул зубами и вцепился взглядом в спину Ловилля. В этот момент аррант остановился. Слава тоже замер, повинаясь какому-то неосознанному импульсу. И он смотрел, смотрел... Мутнело перед глазами. Нефедов попытался сконцентрироваться на Ловилле и даже попытался вспомнить, зачем он последовал за Лекхом сюда, в этот ледяной белый дым... но тут прямо перед аррантом вздыбился, выворачиваясь из земли, целый пласт обледенелой почвы. Спаянной в промерзшую темно-серую, с желтоватыми прожилками, плиту. Без каких-либо видимых причин эта махина размером с фундамент добротного коттеджа встала на ребро, открывая под собой иссиня-черную, заострившуюся морозными иглами пустоту. Ловилль вдруг слабо, по-детски, вскрикнул, и его подняло в воздух. Мелькнули перед глазами Нефедова тонкие, раскинутые в стороны ноги в дурацких желтых сандалях. Арранта несколько раз перевернуло в воздухе, голова стала заворачиваться куда-то в подмышку, и совсем хрупким и нежным показался помертвевшему Славе треск ломающихся позвонков и перемалывающихся, как в мясорубке, костей. Из пустоты выметнулось что-то узкое, клиновидное, белесое, оно проскользнуло над Ловиллем, разваливая его тело надвое. Одну половину арранта начало затягивать в тень вздыбившегося земляного утеса, вторую, с еще дергающимися и неестественно вывернутыми в суставах ногами, отбросило прямо к Нефедову.

Слава хотел попятиться, но словно примерз к этой ошетилившейся маленькими серыми кристалликами почве. Он сделал над собой гигантское усилие, и ему все-таки удалось сдвинуться с места. Но не назад, а – вперед. Туда, куда уплывала верхняя часть тела Ловилля со сломанной шеей и белыми, оледенелыми, мертво выпученными глазами. Ноги Нефедова подогнулись, он упал на колени, потом на четвереньки и пополз, пополз. На острой, как бритвенные лезвия, бурой траве один за другим расцветали живые алые лепестки. Кровь капала, прожигая мертвую ледяную корку, но Слава Нефедов, с исполосованными ногами и ладонями, изрезанными в лохмотья, уже ничего не чувствовал. Стоявшие у края оврага Дима Нестеров,

в своей нелепой и сразу поблекшей «чешуе», и его девушка Саша так и не посмели спуститься вниз. Они только смотрели, как ползет вверх по тропинке Нефедов, цепляется скрюченными и залитыми кровью пальцами за землю, слышали, как хрустит на его зубах песок...

Слава напрочь не заметил руки, которую протягивал ему Дима. Он оскалил зубы и, перевалив через бугорок, которым заканчивался подъем из низинки, мешком повалился под дерево. Из его рта текла слюна, челюсти свело судорогой, а все тело заходило мелкой, изматывающей дрожью, в которой неизвестно чего больше было – мертвенного ли окоченения человека, который вырвался из нечеловеческого холода, либо животного страха, пробуждающего первородные, давно позабытые инстинкты.

Глаза у Славы были открыты. Дима попытался уловить их взгляд, а когда поймал, то закричал на одной безумной длинной ноте и, ломая кустарник, ринулся прочь...

Добрался. Первооснова существования снова с ним, и теперь Зог'гайр выходит в большой мир, чтобы нести гибель тем, кто притягивает ее. Но Зло ли он, Зог'гайр?.. Тогда, в его первый Уход, рассудили именно так. Быть может, на этот раз Предвечные решат по-иному?

Ведь у них есть более страшные враги, чем он, Зог'гайр. Просто они не хотят знать об этом.

...Антон Иванович Лапшин, он же Антонен Ы Лакхк, с содроганием припомнил, КАК именно обнаружили место гибели арранта Ловилля. Это место увидели с патрульного вертолета. В самом деле, несложно заметить подобное. В радиусе примерно пятидесяти метров от эпицентра, источника ледяного ужаса, все УМЕРЛО и ОБЕСЦВЕТИЛОСЬ. Какая-то неведомая сила «выпила» из листьев растений весь хлорофилл, она вытянула из стволов древесный сок и смолу и превратила их в светло-серое, внешне похожее на известняк мертвое дерево. На верхнем слое почвы словно выступила соль, – земля побелела и покрылась трещинами. Побывавший на месте катастрофы геолог потрясенно объявил, что он видел образчики такой почвы и раньше. Безусловно...

В самых жарких пустынях Земли.

Людам, ставшим очевидцами этого странного события, чудом удалось спастись. Хотя сложно применить слово «спасение» к тому, что произошло с одним из троих уцелевших – Вячеславом Нефедовым, двадцати четырех лет. Его поместили в спецлечебницу при ОАЗИСе, но даже лучшие специалисты не смогли определить характер поражения кожных покровов, обнаружившегося у Нефедова. Что же касается психического состояния пациента, то тут достаточно было одного взгляда, чтобы навсегда запомнить это перекошенное бледное лицо, белые глаза с кроваво-красными прожилками и мимику, больше похожую на беспорядочные сокращения лицевых мускулов у больной обезьяны, нежели на осмысленно меняющиеся отображения человеческих эмоций.

Следствие по делу о гибели Лекха Ловилля, подданного Содружества Близнецов и уроженца Аррантидо-дес-Лини, собственно, не привело к каким-либо результатам. Не сподобились даже на четко сформулированную версию. Ход этого следствия был тусклым, вымученным и безжизненным, как течение грязной и заболоченной речушки. Только однажды в последовательность следственных мероприятий вклинился досадный инцидент с на редкость назойливым полусумасшедшим старикашкой, который ворвался в кабинет следователя и стал твердить о каких-то существах по имени «асахи». И еще о каких-то даггонах. Следователь выгнал его вон: аррант по происхождению, он вообще не особенно доверял землянам, даже тем, кто по документам считался вмняемым. О субъекте же, проникшем в его кабинет, нельзя было сказать и этого...

Антонен Ы Лакхк поднял глаза на Генерального Эмиссара, ллерда Зайверра-бин-Кьялля, и выговорил:

– Нет, конечно, господин Генеральный Эмиссар, на моей должности никто не безгрешен. Сложно избежать промахов и нарушений, порой не удается проконтролировать исполнение федеральных законов и Закона Содружества Близнецов... то есть тех параграфов, что включены в Экспансию.

– Например, пункта об инфоциклах и запрете аррантийских технологий вне ОАЗИСов, то есть на Избавленных территориях, – заметил Генеральный Эмиссар и принялся расправлять складки своего пеллия с весьма беззаботным видом. Впрочем, он просто рисовался перед подчиненным, надевая маску спокойствия и рационального цинизма, модного среди руководства миссий Избавления. На самом деле червь тревоги давно подтачивал Генерального Эмиссара. В конце концов земная миссия Избавления включала в себя восемнадцать ОАЗИСов, проще говоря, территория планеты была разделена на восемнадцать частей, центром каждой из которых являлся ОАЗИС. То есть пункт, геополитический субъект, в пределах которого разрешались ВСЕ достижения аррантийской цивилизации. (Хотя называть «пунктом» громадный мегаполис на 10-20 миллионов населения как-то не очень корректно.) Так вот, ОАЗИСов – восемнадцать, а бретт-эмиссара Высшего Надзора направляют именно в ОАЗИС номер двенадцать, которым руководил ллерд Зайверр-бин-Кьелль!.. Благородный ллерд Зайверр долго прикидывал, на фундаменте чего же зиждется такая честь, а потом через головы начальства обратился прямо к ллерду Вейтарволду, своему предшественнику на посту Генерального Эмиссара двенадцатого ОАЗИСа. Тот не назвал определенной причины визита представителя Высшего Надзора, зато упомянул губернию Избавленных территорий, которая привлекла внимание Метрополии. Ту самую, вверенную Анто-нуну Ы Лакхку. Вейтарволд говорил очень сдержанно, со скупой металлической интонацией в глуховатом голосе, но Зайверр знал его достаточно хорошо, чтобы встревожиться. Вейтарволд явно недоговаривал, но чем мотивирована эта недоговоренность – какими-то этическими моментами, личной заинтересованностью Вейтарволда или же чем-то иным, понять было невозможно. «Предшественник ллерда Зайверра на посту Генерального Эмиссара подспудно встревожен», – решил нынешний глава 12-го ОАЗИСа Земной миссии Избавления.

Впрочем, бретт-эмиссар Высшего Надзора – это посланник достаточно низкого ранга. Вот если бы на землю планеты Зиймалль-ол-Дез ступила нога кого-то из Совета Эмиссаров или даже самого ллерда Вейтарволда, при одном имени которого по коже любого из глав ОАЗИСов текли холодные бурные реки мурашек, – тогда другое дело. Тогда – плохо! Сам Неназываемый не уберег бы от страшных бед, будь у Вейтарволда веская причина прибыть на Землю...

Генеральный Эмиссар помассировал левое запястье длинными пальцами, притронулся к пресловутой «золотой» нити и выговорил:

– Ну хорошо. О гибели этого Ловилля я, конечно, наслышан. Случай странный, что и говорить. Но по мне, так авария на нефтеперерабатывающем комплексе, приписанном к тринадцатому ОАЗИСу, посерьезнее будет. А ведь никого не прислали!

Антон Иванович Лапшин между тем перебирал в памяти все возможные свои провинности перед Эмиссаром и Метрополией, каковые могли повлечь за собой такие последствия. Арранты чрезвычайно ревниво следили за тем, чтобы всесторонние и значительные достижения их мощной техногенной цивилизации не были использованы другими. Теми, кто не имел отношения к светочу Аррантидо-дес-Лини. Да что земляне, если даже своим соседям по планетной системе и Содружеству, гвеллям, они не предоставляли своих технологий, а продавали за инфоциклы – единицы целевого кредита. Прагматичны и предусмотрительны арранты, и строго карает введенный ими Закон за нарушение Пункта о нераспространении высоких технологий. Антон Иванович поехал и припомнил, что на вверенной ему территории не так давно была обнаружена контрабандная партия ММР – мономолекуляторов марки ЛВВ-40, «юбилейных».

Ретроспектива 2. Апрель 2005

В просторное помещение вальяжной походкой входил, нет, вкатывался невысокий плотный человек. У него были короткие, ежиком, темные волосы и забавно стоящие торчком красные уши, похожие на свернутые кузовком шляпки каких-то грибов; но забавными они выглядели только безотносительно к прочим элементам внешнего облика. В сочетании же с мощным черепом, выпуклым шишковатым лбом, тяжеловатым подбородком, хищно выдвинутым вперед, и напористыми синими глазами даже эти красные уши не выглядели забавными. И сходство их с грибами забывалось напрочь. Хотя имя у обладателя этих ушей было самое что ни на есть грибное: Груздев. Анатолий Петрович Груздев, он же Груздь. Человек таких разнообразных дарований, что сложно было понять, какому же занятию в жизни он отдает предпочтение.

Впрочем, об этом чуть ниже.

Уважаемого Анатолия Петровича сопровождали два рослых парня в модных светло-серых полупальто. В руке один из них держал продолговатый чемоданчик округлых форм, несколько напоминающий скрипичный футляр.

Помещение, куда вошел Груздев со товарищи, представляло собой просторный вестибюль здания гостиничного типа. Тут было несколько кадок с саκραментальными пальмами, мятые диванчики, обитые дешевым кожзаменителем, и несколько дешевых же репродукций шедевров живописи. Под такой репродукцией на одном из диванчиков сидели несколько мужчин с пышными черными усами. Они дружелюбно улыбались, глядя на вошедших. Двое, сидящие по краям дивана, были в куртках, а тот, что в центре, самый упитанный, носил просторное бесформенное одеяние аррантского покроя, вошедшее в моду с легкой руки Избавителей – нечто отдаленно напоминающее широкий плащ и перетянутое поясом. Никакого отношения к Метрополии и аррантам черноусый мужчина, впрочем, не имел и носил звучное и вполне земное имя Борис Кварцхелия, сокращенно Бобо Кварц.

– Здравствуй, дорогой, – сказал он, вставая и идя навстречу Груздеву. – Рад видеть тебя в добром здоровье, уважаемый. Ну как сам?

– Да ничего, – буркнул Груздь, и его смешные уши вспыхнули, а «ежик» над шишковатым лбом заметно зашевелился. – Ну что, деньги привез?

– А ты какие предпочитаешь, дорогой? Наши или эти... инфоциклы? А может, кераль-этреновые слитки, которыми у наших дружбанов-аррантов только самые крутые могут себе позволить расплатиться? А? А то у меня есть! – Бобо подмигивал то одним, то другим глазом, все время уменьшая временные промежутки между движениями век. Со стороны могло показаться, что его посетил интенсивный нервный тик. – У меня все виды платежных средств имеются. Все-таки не дрова покупаю и не эти... как их... спутниковые телефоны.

– А вам нужны спутниковые телефоны? Бобо Кварцхелия экспансивно замахал руками:

– Будут нужны, ты первый узнаешь об этом, дорогой! А пока что я жду от тебя тот товар, о котором договаривались на прошлой неделе. Ты привез, конечно? Не подвел?

Груздь потербил свое и без того багровое ухо и, почему-то оглянувшись на двери, через которые вошел в помещение двумя минутами раньше, ответил:

– Все, как добазарились. Никакого кидалова, кацо. Леня, подай-ка образец.

Парень в сером полупальто раскрыл свой чемоданчик, похожий на скрипичный футляр, и осторожно извлек оттуда массивный пистолет-пулемет... Если быть скрупулезно точным, то – оружие, напоминающее пистолет-пулемет. Поскольку принцип действия и характер поражения его были совершенно иные; отличные от огнестрельного оружия. Это известно каждому, кто хотя бы слышал грозную аббревиатуру ММР. К основному стволу с двух сторон прилагались два вспомогательных, на рукояти серебрились клеммы базового аннигиляционного ускорителя. Хищно поблескивал лазерный прицел. Подручный Груздя передал ММР шефу, тот зачем-то взвесил «мымру» на ладони и, склонив голову к плечу, бросил Кварцхелии:

– Вот.

Бобо принял оружие из рук Груздя, пощелкал языком и принялся осматривать. Он попробовал пальцем лазерный прицел, заглянул в дуло, прищурился глазами, рассматривал маркировку сначала невооруженным взглядом, потом с помощью мощной лупы.

– Погоди... – наконец произнес он каким-то неопределенным тоном, – я же просил, чтобы ты привез «юбилейки», а это обычные «блэки», которые у всех мусорских ариков⁵ в ОАЗИСах – табельное оружие! Нет, я про «мымры», которые «блэкушных» марок, ничего дурного сказать не хочу. Машинки приличные, работают чисто... но мы-то говорили о «юбилейках»! О новой модели, вах!

– Эт-точно, – ничуть не смутившись, подтвердил Груздь, – только я ж тебе не грибы продаю. Не грибы, говорю, а «стволы», хождение которых за пределами «банок»⁶ настрого запрещено ариковским кодексом!.. Сам знаешь, что будет, если нас запалят! Так что бери, что есть! Нет, если ты, конечно, не хочешь, то можешь не брать, но это может попутать небольшой такой рамс. Люди могут не понять. А ты сам усекаешь, что такое непонятка, Кварц.

– Да не надо меня пугать красненьким, у меня у самого сын в пионерах! – откликнулся Кварцхелия с широкой недоброй улыбкой. Потом повернулся к своим и быстро сказал что-то по-грузински. Груздев подался всем телом вперед и выговорил, выставив вперед тяжелую нижнюю челюсть:

– Ты вот что, Бобо. Ты давай говори по-русски, а то мало ли что ты там можешь сказать. И вообще... пора бы и расчет производить. Остальное оружие в машине перед домом. Заберешь вместе с авто, все равно драндулет раздолбанный. В багажнике десять «мымр», как договаривались.

Бобо Кварц потер выбритый до синевы подбородок, разгладил пышные усы. Он не спешил с дальнейшими словами и тем паче действиями. Он щурился и смотрел на Анатолия Петровича, а его руки нырнули в рукава широченного аррантского одеяния, как будто у Бобо мерзли кисти и пальцы. Груздь заговорил первым, нарушая эту неестественную, «неконструктивную» (как сказал бы один из главных героев этого повествования, который появится чуть ниже) тишину:

– Ладно, Бобо. Давай начисляй финанс. Бабло, говорю, где?

– А, конечно, дорогой, – не меняя ни тона, ни тембра, отозвался Бобо Кварцхелия. – Гиви, передай сюда деньги, – показательно по-русски велел он стоявшему за его спиной пышноусому кавказцу. – Видишь, нашему уважаемому партнеру хотелось бы увидеть наличность. Только, дорогой, все равно «блэкушная» марка – это не ЛВВ-40, не «юбилейка». Ну что ж, бывают и накладки, особенно с таким тонким делом, как эти «мымры».

– Да по мне что табельные «мымры» ариков, что «юбилейки» имени этого ихнего пахана... Вейтарволда – один хрен! – довольно пренебрежительно отозвался Груздь, ловя портфель, брошенный ему Гиви. – По мне куда слаще наши ТТ и «калаши». Простые, без фокусов этих выпендренных, без подсветки этой дурацкой и прочего пижонского фуфла. Просто, надежно, по-нашенски! Верно говорю, Андрюха?

– А то, – отозвался парень, передавший заказчику футляр с ММР.

– Что-то я не понимаю тебя, дорогой, – сказал Бобо. – При чем тут эти твои «калаши»? Мы говорим совсем не о них.

Ты лучше деньги пересчитай, чтобы потом не было между нами никаких непоняток, как ты только что сам сказал. Считай, считай!

Груздь поставил портфель прямо на пол, присел на корточки и раскрыл замок. Заглянул внутрь, взял наугад пачку денег.

⁵ Аррантов.

⁶ ОАЗИСов (*жаре*).

– А-а, рубли? – протянул он, разглядывая профиль Ильича на двадцатипятирублевке. – Ясно.

– Есть и доллары. У меня с собой и униты¹ есть, и инфоциклы ариковские, если надо, могу ими уплатить, – словоохотливо распространялся грузин, а в голове Груздь сама собой вдруг проскочила нехорошая, тухлая такая мысль: что-то он слишком любезен и многословен, не иначе как выигрывает время. Время!.. Груздь резко вскинул глаза и увидел, как Кварцхелия выпрастывает из широкого рукава одну из рук и быстро смотрит на часы. Время!..

Груздь снова опустил глаза и, перебирая в пальцах земные деньги и аррантские инфоциклы – тускло-желтые пластиковые карточки с продольными металлическими вставками, – произнес:

– А что, Бобо, когда ты на позапрошлой неделе брал партию у Сереги из Воронежа, ты тоже рублями платил? Или «зелень» притаранил вот с этими унитадами⁷ и разными ариковскими платежками?..

Бобо вздрогнул и подался назад, разлетелись в разные стороны рукава его широченного просторного одеяния, но Груздь почти неуловимым для глаза движением выхватил из-под одежды пистолет и дважды выстрелил грузину прямо в живот. На плотной светлой ткани модного аррантского образца проступило и жадно разрослось, темнея, багровое пятно. Бобо пошатнулся и упал лицом вперед. Он еще успел удержать себя от того, чтобы не растянуться в полный рост и не приложиться лицом об пол – упал на колени, вытянув вперед руки, неловко, угловато. На пол капнула кровь, еще, еще...

Один из парней Груздева выхватил из-под пальто АК и дал короткую очередь по черноусым. Те повалились замертво, не успев издать и звука. Груздь наклонился к самому уху Кварцхелии и выговорил:

– Кинуть хотел, тварь? Я ведь давно знаю, чем ты последнее время промышлять стал. Говорил же я тебе, что «калаши» и ТТ надежнее. Твоя «мымра» и выкнуть бы не успела, к тому же ее подзаряжать надо, а зарядка там и не маялась, и генератор холостой!

Кварцхелия искривил рот и, шумно выдохнув, продавил:

– Ты... Груздь... лучше себе отходную прочти... крыса!..

Анатолий Петрович не стал слушать дальнейших рассуждений умирающего. Под ногами вдруг глухо, надсадно загудел пол. Подслеповато, пугливо заглянуло в грязные окна молодое апрельское солнышко, качнулись, шурша по стенам, дешевые копии великих земных шедевров, когда Бобо Кварцхелия получил свои три пули в голову из груздевского ТТ. Пол загудел сильнее, и у Груздева вдруг побелели ноздри, а пистолет, только что сослуживший так верно, вдруг запрыгал в затрясшихся руках.

В помещение внезапно ворвались растрепанные звуки с улицы, а вместе с ними молодой парень в светлой рубашке, со стоящими дыбом слипшимися волосами. Грохнула за его спиной, захлопываясь, дверь.

– Груздь, там арики на «летуне»! – крикнул он, и тотчас же дверь позади разлетелась в щепки, а вместе с нею полстены. Посыпалась штукатурка, повалил черный, душный дым.

– Спалил, сука черножопая! Сдал арикам! – скрежетнул зубами Груздев, круто поворачиваясь на каблуках. – Значит, мы его не только за старые «косяки» валили, но еще и за палево, которое поздно чухнули! Валим отсюда, пацаны! Да выкинь ты это барахло! – выкатив глаза, рявкнул он на своего громилу, который прижал к груди раскрытый портфель с рублями, унитадами и инфоциклами. – Выкинь, говорю, все равно бабки фальшивые! Я сразу просек... не баклан какой-нибудь! Кварц, падло, решил нас по полной опустить! Собственными кишками удавить... гнида!.. Делаем отсюда ноги... ноги!

⁷ Общепланетная валюта, введенная аррантами при сохранении, впрочем, национальных валют (рубля, доллара, фунта стерлингов, etc.). Название от латинского unitas – «единый». Ну понравилась аррантам латынь!

– Ноги-и-и-и!! – вдруг взвыл, падая плашмя, один из двух парней. Его голова с глухим стуком ударилась о пол, но едва ли он мог чувствовать эту минимальную боль. Его ноги, еще доли мгновения назад бывшие частью его самого, сейчас лежали в двух метрах от хозяина, да и какие ноги – так, ступни и часть лодыжки. У парня же на месте ног уцелели только какие-то коротенькие обрубки, в ладонь длиной; страшно белел излом кости, и текли из мгновенно запекшихся ран струйки полупрозрачного, беловатого дымка... Бедро же, колени и верхние половины лодыжек исчезли, словно и не было их никогда.

Агония выгнула тело несчастного, захрустели зубы. Он испустил дух почти мгновенно, а его убийца в синем мундире внутренней охраны ОАЗИСа уже вбегал в помещение. В его руках был точно такой же ММР-«блэк», какой еще недавно с видом знатока рассматривал Бобо Кварцхелия.

– Нарушение Закона о нераспространении! – звучно крикнул аррант. – Бегство?! Стрелять на поражение!..

...Антон Иванович припоминал, как удачно он замял инцидент с обнаружением партии ММРов марки «Лиловый корень», в земном просторечии – «блэк». Всего – десять единиц оружия. Еще недавно он полагал, что справился с разрешением этого, гм, недоразумения превосходно: последствий почти не было, лишь слегка пожурили сверху. Ох и расстарался же тогда А.И. Лапшин: пустил в ход весь свой административный ресурс и даже злоупотребил слегка служебным положением... Но теперь он прикидывал: быть может, упокоение было преждевременным, и инцидент с задержкой партии ММР, запрещенного к ввозу и употреблению на территориях Избавления, пустил корни глубже, чем он полагал? Корни! «Лиловые корни»!

Антон Иванович в который раз облизал преданным взглядом Генерального Эмиссара, застывшего на плазменном экране. Ллерд Зайверр улыбнулся, довольно неприятно оскалив мелкие белые зубки, и выговорил:

– Ну, хорошо. Подумай еще в свободное время. Ведь его, этого свободного времени, у тебя, возможно, осталось совсем мало...

Это прозвучало не слишком обнадеживающе.

Глава 2

БОЛЬШОЙ ПЕРЕПОЛОХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ РОЩЕ

Аррантидо-дес-Лини, 15405 год Эры Близнецов по местному летоисчислению

Как начать?

Как могло произойти событие, которое переполошило все население Плывающего города, не последнего на Аррантидо?.. Событие, поставившее под сомнение незыблемость старых законов, событие, что посеяло страх и смуту в иных, избалованных покоем душах?

Хотя нет. Начать следует не так. То, что произошло, рано или поздно должно было произойти. Конечно, мы имеем в виду вовсе не смерть князя Гьелловера: уж это происшествие едва ли могло встряхнуть аррантов и собственно жителей Плывающего города Галиматтео. Князь Гьелловер давно был болен. Поговаривают, что его врожденное несварение желудка усугублялось неводержанностью в приеме пищи, причем князь не брезговал кушать даже те ужасные мясные блюда, что привозились прямиком с Гвельлхара, родины всех грубиянов и обжор в Содружестве Близнецов. Кроме того, ходили слухи, что у Гьелловера нездоровая кровь. Вместо благородной, светло-красной с легким фиолетовым отливом, что течет в каждом арранте, из его жил (умело вскрываемых личным медиком князя) порой сочилась какая-то непонятная темно-красная жидкость. Густая, тяжелая, она неохотно стекала вязкими ручейками, пятная белоснежный пол личных покоев Гьелловера. А еще, утверждали досужие сплетники, эта кровь ну никак не хотела обесцвечиваться на свету. Верный признак нездоровья, не правда ли?.. Кровь подсыхала, целые ее лужицы покрывались корочкой, она коробила любую ткань, на какую попадала, она уродовала даже драгоценные одеяния из йялля, не поддававшиеся воздействию лейкаровой кислоты, отравы из подреберья черного океанского угря! Конечно, князь Гьелловер должен был умереть. И он умер. Собственно, основные события произошли уже после его ухода. И в центре их оказался дальний родственник покойного, некто Рэмон Ррай.

Да, начать нужно было с него. И с его неприятностей.

Неприятности Рэмона Ррая начались с похорон. Именно так, а не иначе. Конечно, это были не его собственные похороны, в противном случае у него не было бы возможности оценить все последствия неприятностей. Хотя, вероятно, посмертные неприятности теоретически возможны на такой интересной планете, как Аррантидо-дес-Лини. Здесь вообще весьма своеобразное отношение к жизни и смерти, и особенно к переходу из одного из упомянутых состояний в другое. Да, да! Более того, похороны в Аррантидо – это большой, торжественный и веселый праздник. Арранты не видят смысла печалиться, когда личность переходит на более высокий уровень существования. Это отмечал в своих этнокультурных исследованиях еще профессор Табачников-Лодынский, известный земной специалист по истории и культуре Аррантидо-дес-Лини⁸.

Рэмон Ррай был приглашен на торжественное погребение князя Гьелловера, одного из Предвечных⁹, члена правящей династии Аррантидо. Наверно, о Рэмоне никто и не вспомнил бы, не будь ллерд Вейтарволд, носитель Звездной мантии, Предвечный, отцом Рэмона Ррая. Как подобная личность могла быть отцом Рэмона, не понимали даже многие из тех, кто имел честь быть кровным родственником ллерда Вейтарволда. Рэмон был невысок ростом, лопух, а его очень белая, полупрозрачная кожа, кожа записного бездельника и неженки, была густо

⁸ Табачников-Лодынский Олег Павлович (р. 1946) – известный ученый, историк, лингвист и культуролог; специалист по истории Аррантидо. Также известны его работы: «Слагающие мифологемы Аррантидо», «Арранты: техногенность и духовность», «Истоки культа».

⁹ Пожизненный титул, примерно соответствующий пэру. На всей планете Аррантидо-дес-Лини, чье население составляет несколько миллиардов, всего 1255 Предвечных.

покрыта веснушками. На тонких запястьях кожа была такой нежной, что на ней голубоватым мраморным рисунком проступали вены. Круглое лицо Рэмона украшали большой, насмешливо кривящийся рот и широко поставленные, зеленовато-голубые глаза, прозрачные, как вода в самых чистых лагунах Беллионского океана. Почему-то именно эти глаза, весьма характерные для уроженца Аррантидо-дес-Лини, вызывали наибольшее недоумение отца. В глазах Рэмона Ррая опрокинутым небом плавало какое-то почти детское удивление перед этой богоданной жизнью, да лелеют ее Предвечные и стережет сам Неназываемый!..

Отец Рэмона был совершенно иным. Можно понять родственников Ррая: достаточно было кинуть один мимолетный, наполненный невольным восхищением взгляд на величественную фигуру ллерда Вейтарволда, чтобы усомниться даже в дальнем родстве этого полубожества с Рэмоном. Ллерд Вейтарволд был огромен. Под лиловым пеллием угадывались широкий разворот плеч, массивная грудная клетка и мощные ключицы. Мускулистые предплечья перехвачены упругими цельнометаллическими браслетами в виде спиралей – клеоммами, излюбленным украшением аррантской знати. Клеоммы ллерда Вейтарволда были выполнены в форме прихотливых стеблей «черного змея», единственного растения, живущего и выживающего на страшной планете Керр, куда ссылали всех пренебрегших законами Предвечных. «Черный змей», ошетилившийся кривыми шипами, замысловато изогнувшийся на мощных руках ллерда, символизировал неустанное бдение ллерда на страже Закона. О высоком сане напоминал и желтый камень, драгоценный каллиат, вживленный прямо в широкую лобную кость Вейтарволда и горевший, словно третий глаз.

Вот таким ллерд Вейтарволд предстал на торжестве, посвященном погребению князя Гьелловера. Вейтарволд был бос, как и полагалось всем почетным гостям на церемонии погребения: ведь каждый аррант должен коснуться голыми ступнями той почвы, в которую уйдет сегодняшней виновник торжества, да прорастет имя его в каждой травинке.

– ...да прорастет имя его в каждой травинке, – глухо, напевно тянул желтолицый служитель Неназываемого, застывший в изголовье уходящего сановника. – да раскинутся руки его в струях водопадов, да станет тело его пищей для корней деревьев, а череп наполнится землей, священной колыбелью каждого и желанным упокоением для лучших...

Слова древнего погребального ритуала разносились далеко вокруг, хотя священник говорил негромко и голос у него был слабый, хрипловатый, а на горле заметно вздулись от напряжения жилы. Однако же не только три тысячи¹⁰ знатных аррантов, но и почти все жители Пльвущего города Галиматтео могли слышать каждое слово, слетевшее с синеватых губ священника. Впрочем, даже самый неотесанный обыватель без труда мог представить себе, что распорядители церемонии воспользовались простейшими акустическими оптимизаторами (акопами), приборами, обеспечивающими беспрепятственное распространение звука на любое заданное расстояние. И даже самый дремучий обитатель Галиматтео... Впрочем, стоп! О чем это мы?.. В Галиматтео практически нет неотесанных и дремучих. Пльвущие города, да еще из верхней категории – это вам не гравиплатформы для размещения текстильных фабрик или заводов, производящих какие-нибудь примитивные приборы типа тех же акопов, где могут работать даже такие грубые и нецивилизованные существа, как эти грязные багроволицые гвелли. В Пльвущем городе живут представители самой чистой, высокоорганизованной и миролюбивой нации. По крайней мере, они сами так искренне считают, и большинство из вступивших с ними в контакт галактических сообществ, по сути, придерживаются того же мнения. Быть может, за исключением ближайшего соседа планеты Аррантидо-дес-Лини, сумрачного Гвельхары, населенного такими же угрюмыми и суровыми, как их мир, гвеллями.

¹⁰ У аррантов преобладает двенадцатиричная система счета, точнее, несколько ее вариантов. Но для удобства в тексте указаны цифры по земному отсчету.

Но пока не будем о гвеллях, тем более ни одного представителя этого племени на торжественной церемонии не было. Гвелли не любопытны. Чего не скажешь об аррантах.

А посмотреть было на что.

По совершенно прозрачному, матово поблескивающему охранному тоннелю, проложенному прямо через центральный проспект Плывающего города, текло величественное шествие. Центром его был огромный белый помост, по ширине занимающий никак не менее половины тоннеля. Сквозь его умело сотканые из мощных силовых полей стенки каждый желающий мог видеть всех тех лучших и знатнейших, кто удостоился чести вскоре сойти вниз, на Священную землю. Эти лучшие неподвижно стояли в двух светящихся концентрических кругах, очерченных на поверхности помоста, а в геометрическом центре кругов, на насыпном холме из простой черной земли, на двух приткнутых друг к другу кусках свежего зеленого дерна лежало тело князя Гьелловера. Оно было перехвачено двумя полосами ткани, светло-синей и зеленой – цветами правящего дома, к которому принадлежал умерший.

Лицо князя было усыпано полупрозрачными, бледно-зелеными лепестками, смотревшимися особенно нежно на нездорово-землистой, сумеречного оттенка коже покойника.

Рэмон Ррай находился на той же платформе, на которой могло уместиться несколько тысяч аррантов. Правда, он не стоял в пределах двух концентрических кругов, а располагался ближе к краю медленно плывущей по тоннелю громады похоронного плато. Он сидел в довольно вальяжной позе в глубоком алом полукресле; его гражданский статус не позволял ему стоять при погребении такой персоны, как князь Гьелловер, Предвечный. Не дорос еще, не заслужил. Собственно, он ни на что подобное и не претендовал. К тому же всем этим важным вельможам, таким, как отец Рэмона Ррая, предстояла нешуточная нагрузка: церемония похорон сложна и чрезвычайно продолжительна по времени.

Лично Рэмон находил эту церемонию скучной и утомительной, как и большинство ему подобных, молодых аррантов из знатных семей, также восседавших за пределами светящихся окружностей у краев платформы и перешептывавшихся о чем-то своем. В таком возрасте вообще мало интересуют проблемы смерти, да и что о ней говорить, когда всему Галиматтео известно, что князь Гьелловер давно заслужил земной покой. Радоваться надо!.. Поэтому Рэмон покосился на своего соседа, молодого Вийлелля, который полулежал на кушетке, зависшей в полуметре¹¹ от массива платформы. По поверхности кушетки проскакивали длинные, ленивые зеленые искры, Вийлелль откинулся назад и полужакрыл глаза: он включил режим нейролептонного массажа и теперь блаженствовал. Время от времени он высвобождал из-под складок своего пеллия длинный, оплетенный термолентой сосуд и делал оттуда глоток. Рэмон Ррай ухмыльнулся и вынул сувенир, привезенный ему отцом с одной из Избавленных планет... как ее, то бишь... А, ну да, Зиймалль-ол-Дез. Фляга...

Это была серебряная плоская фляга с выбитым на ее поверхности профилем какого-то лысоватого человека с бородкой и надписью на одном из тамошних языков: «Наше дело правое, мы победим». Во фляжке постоянно имелся напиток, чрезвычайно модный в последнее время среди молодежи Галиматтео. Два или три глотка распускали по всем жилам состояние блаженного покоя, расслабленности и ленивого, убаюкивающего тепла. Еще два-три глотка – и появлялось озорное, искристое желание дурачиться, кривляться, совершать многочисленные невинные глупости и зажигать окружающих своим настроением. Окружающая действительность принимала вид весело вихрящегося карнавала, радужно размытых картинок, сменяющих одна другую как в калейдоскопе. Правда, этот зиймалльский напиток (да и другие его разновидности) был весьма коварен: еще несколько глотков, и мир начинал складываться, плющиться, выskalъзывать из-под ног и больно прикладывать своего поклонника по чувствитель-

¹¹ На Земле арранты сохранили привычную нам метрическую систему, так что можно использовать ее и применительно к Аррантидо-дес-Лини; то же – ниже – справедливо и для мер веса, плотности и проч.

ным местам. В голове поселялся надсадный гул, постепенно разрастающийся и заполнявший все тело. Рэмон Ррай уже проходил через все эти стадии. Показалось забавным, хотя потом раскалывалась голова, перед глазами проплывали мутные пятна, а в руках и ногах поселялась мелкая, зябкая ломота. Да ничего, жить можно. Хотя, конечно, отец уже многократно пожалел, что в свое время подарил сыну этот экзотический сосуд с далекой дикой планеты. Кажется, он там входил в Совет Трех и ему напрямую подчинялись Генеральные Эмиссары едва ли не половины Зиймалль-ол-Дез.

Рэмон прищурил один глаз и бросил взгляд на покоящееся на земельном кургане тело князя Гьелловера. Виновник торжественной церемонии находился примерно в ста пятидесяти шагах от Рэмона, но силовые поля оптических оптимизаторов создали иллюзию близости – шагов десять, не больше. Рэмону прекрасно был виден каждый лепесток на грубой коже князя. Да, внешний вид его оставляет желать лучшего. Рэмон Ррай сощурил второй глаз и быстро, как будто ему кто-то мог помешать, несколько раз глотнул из фляжки.

Зиймалльский напиток оказал свое обычное действие. Рэмон Ррай закрыл глаза и попытался отвлечься от церемонии, от длинных тягучих звуков древнего гимна, исходивших из надтреснутого горла служителя Неназываемого. Ему представились, зеленый луг, поблескивающая кромка воды, короткие всплески волн, сильные, свежие ароматы, источаемые нагретой солнцем землей. . . В последний раз он спускался вниз, к самому телу планеты, почти год назад. Плывущий город занимал все его время, да, если по чести, вниз и не тянуло, в эту первозданную чистоту, которую так восхваляют Храм и все его болтливые Аколиты. Напиток же из подарочного сосуда почему-то вызывал немотивированную, беспричинную тягу к природе.

Рэмон Ррай несколько раз ловил себя на этом странном чувстве.

– Эй, Рэ, – послышался ленивый голос Вийлелля, – ты, я смотрю, тоже потягиваешь зиймалльский нектар? А я слышал, твой отец (тут Вийлелль, как ни лень ему было, вынужден был поднять ладонь в почтительном жесте) не очень одобряет это?

– Да твои родственники как-то тоже.

– Родственники? Ты имеешь в виду старую тетку Гьйульте, которая даже не появилась здесь, потому что страшно занята разведением этих своих кораллов? Так кто бы ее еще слушал. Совсем другое дело – твой. . . – Тут Вийлелль помолчал: наверно, неохота было лишний раз поднимать ладонь. – В общем, ты можешь дошутиться.

– Ну что ж, – сказал Рэмон Ррай, разглядывая голову лысоватого человека на поверхности фляги и надпись на чужом языке (такие смешные и нелепые буквы!). Больше он ничего не сказал, а принялся благожелательно разглядывать князя Гьелловера на земляном холме. Вийлелль же поразмыслил над тем, стоит ли продолжать разговор, а потом все-таки пришел к выводу, что предпочтительнее продолжить. Он облизнул губы кончиком языка и вымолвил:

– А я слышал, что тебя собрались отправить на одну из Избавленных планет, чтобы ты наконец занялся каким-нибудь полезным делом.

«Кто бы говорил, – подумал Рэмон Ррай, – только не этот слизень, которому лень собственную задницу почесать. . .» Вслух же он спросил:

– Откуда это ты слышал?

– Мало ли. . . В Инфосфере было что-то этакое. . . -уклонился от прямого ответа Вийлелль и хлебнул из своего сосуда, перетянутого термолентами. По кушетке, служащей ему ложем, перелилось короткое многоцветное сияние, и Вийлелль продолжал:

– К тому же сам помнишь получше меня, что иерарх ближнего Храма до сих пор на тебя в обиде за то, что ты организовал небольшой пикничок в рощах острова Клайви и устроил там натуральную свалку, без малейшего намека на утилизацию. Тогда только влияние твоего отца, ллерда Вейтарволда. . . (Ладонь была поднята с некоторым опозданием, а потому поспешно.) Словом, дело твое, Рэ, но я бы на твоём месте поостерегся. К тому же ты сам себя знаешь, и. . .

– Знаешь что, дружище, – беззлобно прервал его Рэмон Ррай, но в слегка потемневших глазах мелькнул тяжелый, неприязненный блеск, – массажируй себе нервишки, потягивай свое пойло, а ко мне не лезь. Смотри лучше на князя, он тоже, говорят, попивал зиймалльский нектар, да не как я, не по чуть-чуть, а целыми чашами лил себе в глотку.

Вийлелль слегка передернул плечами и хотел было снова сослаться на грозного отца Рэмона Ррая. но потом подумал, что в самом деле – не его это забота, к тому же так невыразимо, непередаваемо приятен нейрореплептонный массаж в сочетании с действием напитка – этого забавного зиймалльского напитка, созданного на далекой и дикой планете.

Он повернул голову и стал наблюдать за церемонией.

Платформа преодолела горизонтальную ветку тоннеля между громадами городских зданий, и под ней вдруг раскрылась голубая бездна, от которой захватывало дух. Там, внизу, в трех километрах под ногами участников церемонии, раскинулась поверхность благословенной планеты – с глубокими озерами, чистыми реками и живительными ручьями, с убеленными сединой горами и предгорьями, холмами, чьи склоны изрыты живописными зелеными, прохладными оврагами. С захватывающим дух великолепием лугов, чьи травы бережно колышет ветер. С рощами и лесами, подлесками, резко обрывающимися на крутых речных берегах. С землей, такой настоящей и дающей жизнь землей – теплой, ароматной, которую можно размять в пальцах.

Которой засыпают только лучших из аррантов.

Рэмон Ррай чуть подался вперед и стал смотреть себе под ноги. Массив платформы сделался совершенно прозрачным, и сквозь него теперь можно было разглядеть голубую жилку реки, нежно-зеленый бархат леса и мощный изгиб какой-то горы, у подножия которой виднелось несколько белых строений. Отсюда они казались крошечными, но Рэмон Ррай прекрасно было известно, что это – гигантские храмовые сооружения, вотчина жрецов Неназываемого, один из которых нудно тянет сейчас свой нескончаемый погребальный гимн.

Платформа неуловимо пошла на снижение. Гора росла, укрупнялся ландшафт, стали видны отдельные участки леса с проблескивающими в массиве деревьев мелкими озерцами. Рэмон Ррай задрал голову и уже в который раз в своей жизни увидел плывущее в высоком синезеленом, с белыми прожилками облаков, небе гравиплато Галиматтео. С ярко прорисовывающимся в самом центре этой неизмеримой столятидесятикилометровой громады огненным кругом – полем головного генератора Первого антиграва. Тем, что удерживало в воздухе миллионы мегатонн металла, силикатов, синтетиков и плазмоидов. Вокруг гигантского массива Плывущего города роились, как мелкие насекомые вокруг огромного тропического животного, несчетные летательные модули, пассажирские боты и скоростные болиды; среди мелочи выделялись внушительные грузовые корабли, патрулируемые катерами таможенников и внутренней городской охраны. Рэмон Ррай перевел взгляд себе под ноги. Гора, у подножия которой раскинулись великолепные храмовые дворцы из чистого белого камня, выросла, укрупнилась, и Рэмон Ррай уже без напряжения различал на ее склонах людей в одинаковых темных одеждах, в двухцветных черно-серых колпаках.

Это были Аколиты Храма. Они с явным любопытством, присушим всем аррантам (даже таким сдержанным, как священнослужители), наблюдали, как похоронная платформа медленно опускается на заранее подготовленную площадь. Вокруг нее по всему периметру был барраж из силовых полей высокого напряжения. Почва близ барража побелела, и если бы было потемнее, оказалось, что она слабо фосфоресцирует.

В самом центре огороженной территории находилась живописная тенистая рощица. Ее деревья были высажены столь геометрически правильно, а кроны столь ровно пострижены, что сомнений в рукотворном происхождении этой зеленой зоны не было никаких.

– Впечатляет, – негромко пробормотал себе под нос Рэмон и слегка пригубил из фляжки. – Кажется, для нашего Гьелловера подготовили очень уютное жилище. И для тор-

жества тоже. Говорят, эти чинные монахи-Аколиты сами с некоторых пор пристрастились к зиймалльской водичке и знают в ней толк. Это они только нам втирают, что такие чинные и что всемерно способствуют почитанию и соблюдению законов Неназываемого. А между прочим, в Законе сказано: никаких влияний со стороны, никаких иноплеменных нововведений! Да еще таких бурно вводящих в соблазн, как эта зиймалльская водичка.

У Рэмона Ррая (как и, по сути, у всех одиноких людей) имелась вредная привычка разговаривать вслух с самим собой. И последнюю фразу он произнес достаточно громко, так, что ее услышал Вийлелль. Он сказал:

– Интересные вещи говоришь, Рэ. Верно, недаром зий-малльский нектар на его родине называют «одурманивающим»¹². Вот и задурманил тебе голову. Только ты не очень...

Рэмон Ррай состроил презрительную гримасу и отозвался:

– Вот что, Ви. Я лучше тебя знаю, что мне пить, как и в каких количествах. Или я тебе понравился? То-то в Инфосфере мелькнуло, что ты любишь молодых людей больше, чем молодых девушек. Особую пикантность всему этому придает то, что нравятся тебе не арранты, слишком уж они разборчивые и холодные, а грубияны гвелли. Те как завернут – мало не покажется.

На этот раз крыть было нечем. Вийлелль пробормотал что-то о том, что сам Ррай, по отдельным сведениям, вообще не терпит разумных существ, будь то гвелль или аррант, а предпочитает отвратительных тварей, каждый день, каждый час и каждое мгновение оскверняющих священную землю Аррантидо-дес-Лини – разных там кошечек, собачек, да еще этих... облепленных перьями... птиц! Никакой уважающий себя аррант не возьмет в дом эту нечисть, зато доподлинно известно, что в доме Рэмона Ррая, сына Предвечного, обитает живой кот! Мало того, что он там живет, так у него еще имя есть, словно он может соблюдать Закон, заповеданный Самим!

Но Рэмон его не слушал, да и Вийлелль быстро уgomонился и принялся следить за основным действием похоронной церемонии – погребением. Оно как раз начиналось.

Платформа почти достигла земли и зависла в нескольких метрах от поверхности планеты. Спустя непродолжительное время все участники церемонии оказались на твердой почве. Сходя на землю в строгом соответствии с иерархической традицией, аррантские вельможи один за другим целовали землю и становились вокруг покойного, первым переправленного на склон горы, в особом, предписанном сложной процедурой порядке.

Ощувив под ногами настоящую почву, а не искусственное покрытие, Рэмон Ррай с наслаждением потянул воздух ноздрями. Вокруг шелестела прелестная зеленая рощица. Прямо среди стволов молодых деревьев были расставлены ложа для участников торжественной трапезы. Тело покойного князя, перехваченное лентами, осталось лежать посередине рощи на все том же насыпном холме – его полагалось опустить в землю только после трапезы и последнего прощания.

Все внимание присутствующих, конечно, было обращено туда, где воссели отцы Плывущего города Галиматтео – градоначальник, князь Айоль, Предвечный; Росаадо, ученейший из жителей Галиматтео, Первый Технолог, под строгим надзором которого билось сердце Плывущего города – Первый антиграв; высокочтимый Бальтarr, Верховный Судья, обладатель одной из пяти Звездных мантий в городе, справедливейший из аррантов Галиматтео. Ну и, наконец, второй из всех трех тысяч собравшихся, что находился в высоком сане Предвечного – сам ллерд Вейтарволд, грозный глава Совета Эмиссаров, координатор миссий Избавления. Впрочем, всех титулов и званий ллерда Вейтарволда не смог бы перечислить никто...

Между двумя Предвечными, главой города Айолем и ллердом Вейтарволдом, оставалось пустым еще одно место. Судя по тем, кто располагался по правую и левую руку от этого места

¹² Достаточно вспомнить арабское слово «аль кагол» – «дурман».

соответственно, ожидали знатную персону, призванную играть в церемонии центральную роль. Да, конечно!.. Потому что ожидали ни кого иного, как Предстоятеля Храма Неназываемого-у-Горы, главу Аколитов, просветленного Астаэра. Этот благородный муж не заставил себя долго ждать и, как предписано ритуалом, вышел из рощи в тот самый момент, когда все гости почившего Гьелловера расселись по своим местам.

Астаэр был весьма своеобразной персоной. На его голове возвышался белый священнический убор очень сложной формы, в который были искусно вплетены несколько травинок. На шее располагался массивный металлический воротник, плавно переходивший в наплечники. Астаэр был в короткой светлой накидке и темных просторных штанах. Светским аррантам ходить в штанах не рекомендовалось: то являлось сугубой прерогативой церкви. Впрочем, этот момент был продиктован не только обычаями, сколько и необходимостью. Дело в том, что возделывать землю и выращивать продукты питания можно было только на землях, приписанных к Храмам по всей территории планеты. Веками утвердилось положение, закрепленное в Законе: нельзя осквернять планету, навязывая ей свою волю и по своему усмотрению используя ее богатства. Светский аррант не Должен даже сажать дерево. Светский аррант не должен осквернить планету последствиями своей жизнедеятельности. Светский аррант не должен ЖИТЬ на земле. Отсюда – Плывущие города, в которых обитало девяносто процентов семимиллиардного населения Аррантидо-дес-Лини, отсюда – громадные промышленные платформы на антигравях, на которых базировалось все сложное и высокотехнологичное производство аррантов. Заниматься наземным строительством и сельским хозяйством разрешено только Аколитам земного Храма, – такова воля Неназываемого!..

Таким образом, просветленный Астаэр был не только Предстоятелем Храма, но и чем-то вроде министра сельского хозяйства и наземного строительства. Впрочем, такие разносторонние обязанности не сильно тяготили его. Равно как светские арранты не особенно переживали по поводу ущемления своих прав. Собственно, даже если бы соответствующие запреты и табу были сняты, едва ли кто-либо из них кинулся возделывать землю, строить дома и разводить скот. Разве только гвельские диаспоры, представленные практически во всех Плывущих городах планеты, да разного рода чудаки...

Астаэра сопровождали два рослых послушника-Аколита, которые были одеты в точно такие же темные штаны, как и у наставника, но накидки тоже были темными, а головы – обнажены.

Астаэр неспешно уселся на отведенное ему место, ни на кого не глядя и не говоря ни слова. Только тут он позволил себе поднять обе руки в торжественном приветственном жесте. На запястье правой руки блеснул желтый металл и тут же скрылся в складках одеяния. Сын земли (еще один почетный титул Предстоятеля Храма) заговорил глубоким, певучим голосом:

– Привет всем собравшимся и тебе, Гьелловер, уходящий в лучшее! Ты был одним из тех, кого Храм причислил к достойным стать землей! За тобой будет закреплен порядковый номер 14355. (Типичная фраза арранта, тем паче священника: сочетание в одной фразе пышных обрядовых оборотов и безукоризненно точной цифры!) Именно столько достойнейших покоится в недрах этой горы, этой земли, и они стали землей, и наши босые ноги целуют память тех, ушедших в лучшее! Вознаградим же память князя Гьелловера достойной трапезой, и горе и позор тому, кто съест мало плодов нашей благословенной земли.

На столах царил невероятное изобилие. Было выставлено все, что могла родить живительная земля Аррантидо. Правда, не было мяса. Арранты вообще крайне воздержанны в употреблении этого продукта во всех его разновидностях и различных способах приготовления. Животноводство – самая скромная составляющая сельского хозяйства, лелеемого предстоятелями разбросанных по всей планете Храмов Неназываемого. В основном мясо ввозится с Гвельхара. Разумеется, такому продукту нет места на похоронных столах знатных аррантов!..

Из одурманивающих жидкостей был только сгущенный и особенным образом обработанный майловый сок – нежный, «ароматный, с легким тонизирующим эффектом. При чрезмерном употреблении этот сок может вызывать пикантное головокружение и ощущение нездешности, отстраненности всего происходящего вокруг. Рэмон Ррай с еле заметной гримасой отпил несколько глотков сока и отставил от себя чашу, выполненную в виде прихотливо изогнутого огромного лепестка. Он поймал на себе насмешливый взгляд Вийлелля, который и на этот раз умудрился расположиться по соседству, и, быстро выхватив из складок пеллия флягу, плеснул в майловый сок. «Лепесток» чаши слабо завибрировал, распространяя тонкий хрустальный звон. Кто-то оглянулся на Рэмона, раз и другой, и он поспешил опрокинуть содержимое чаши в себя.

...Судя по раздававшемуся вдоль столов хрустальному звону, не Один Рэмон врез с обычаями лакомился «зиймалльским нектаром»..

Мало-помалу напряжение за столами рассеялось, тут и там завязались непринужденные беседы. Предстоятель Астаэр с благожелательным видом оглядывался по сторонам, и его выющиеся седые волосы отсвечивали серебром. Рэмон Ррай время от времени косился в сторону жреца, но потом его внимание полностью переключилось на столы и на почтение памяти покойного. Майловый сок, щедро сдобренный напитком из фляги, быстро оказал свое действие. Рэмон расслабился и уже не замечал пристальных взглядов своего грозного отца. В иное время Рэмон предпочел бы взять этот факт на заметку. Но в конце концов не каждый же день передают земле-прародительнице тело такого знатного и заслуженного уроженца планеты, как князь Гьелловер?.. Не каждый. То-то и оно. А на таких церемониях не положено быть сдержанным. Обидишь ушедшего и всю его родню. Рэмон Ррай толкнул в бок размякшего, с помутневшими глазами Вийлелля и, широко улыбнувшись, заметил:

– А что... хорошая сегодня погода? Даже не хочется подниматься обратно, в Плывающий. Мы будем тут до заката?..

– Вот что значит не заучивать обычаи наизусть, как положено, – важно откликнулся тот, вытягивая длинную шею. – Если бы ты проходил положенный срок обучения у братьев-Аколитов, то знал бы, что Ближний круг князя Гьелловера останется на месте его погребения на четверо суток, пока не угаснет над могилой Лиловый столб Ухода. А мы... – продолжал Вийлелль, что-то старательно прожевывая, – мы поднимемся из погребальной рощи обратно в Галиматтео сразу же, как закончится прощание и будет засыпана могила. Ты смотри, – хитро добавил он, – не очень-то налегай на зиймалльское питье, а то ведь еще нужно выйти из-за стола и ровненько, – слышишь, ровненько! – пройти к телу князя и отдать ему последний долг.

– Не твоя забота, – пробурчал Рэмон Ррай и уже больше не отвлекался на окосевшего приятеля. Он вооружился бигойей – любимым столовым прибором аррантов, похожим на ложку, к длинной ручке которой прикреплялся миниатюрный черпак-лодочка. Один «борт» лодочки был заострен, так что при известной сноровке ею пользовались и как ложкой, и как ножом, ловко вырезая из кушаний большие куски. Главное – не сунуть бигойю в рот заточенной стороной, что остра как бритва. Впрочем, умение пользоваться этим прибором арранты впитывали едва ли не с молоком матери...¹³ Рэмон принялся ловко орудовать ложконожом.

Впрочем, поминальная трапеза подходила к концу. Приближался торжественный момент прощания с ушедшим, после чего все те, кто не входит в Ближний круг князя Гьелловера, должны были покинуть священную рощу на склоне горы и вернуться в небо, в Плывающий город. Рэмон вскинул глаза и с явным сожалением посмотрел на мощный склон горы, по которому ползли первые сумерки, на кроны деревьев, сквозь которые просачивались бледно-лиловые, с зеленоватым оттенком, лучи заходящего светила.

¹³ Опасно? Ничего страшного. Для аналогии уместно вспомнить, как европейцам неловко пользоваться китайскими палочками.

Он глубоко вздохнул и уловил теплый аромат земли и пряных трав. В Галиматтео пахнет совсем по-другому!.. В Плыву-щем нет таких ярко выраженных, таких свежих и сильных запахов. Синтетики, ароматизаторы, тепличные оранжереи... На нижних уровнях – кисловатый дух, распространяющийся от охладителей Первого антиграва. Жилые кварталы огромного Плывущего распространяли массу других запахов – от незаметных, почти несуществующих, до тяжелых, кажущихся практически осязаемыми, от резких до ненавязчивых, от сладких до металлических, от тревожных до будоражащих; запахи огромного города застревают в ноздрях или, напротив, улетучивались при первом же повороте головы. Они шли вязкой, последовательной чередой или обрушивались, как гряда камней... но нигде, нигде ТАМ, наверху, не встретить этих ароматов остывающей планеты, как здесь, в священной роще.

Рэмон поймал себя на крамольной мысли, что он в чем-то даже завидует этому незадачливому князю Гьелловеру, существу с такой странной кровью. Он зябко передернул плечами и опрокинул в горло остатки содержимого фляжки. Лысоватый человек, отчеканенный в профиль на ее поверхности, казалось, лукаво косил на Рэмона прищуренным глазом...

Потянулась утомительная церемония прощания. Предстоятель Астаэр сам произносил слова обряда, но до Рэмона они доходили откуда-то сбоку, приглушенно, размыто. Он обнаружил, что нетвердо стоит на ногах. Ну конечно, этот предательский зиймалльский напиток!.. Он сжал в руке бигойю, непонятно зачем взятую с собой. Столовый прибор был скользким и липким от сока свежих фруктов, к белому металлу пристало несколько маленьких кусочков. Рэмон Ррай поднял глаза и только тут увидел, что подходит его очередь попрощаться с князем Гьелловером.

Это совсем, совсем просто. Нужно только постоять над телом князя, все так же лежащим на холмике свеженасыпанной земли на краю глубокой пятиугольной ямы. Нужно коснуться лбом его холодной руки, а потом бросить в его изголовье маленькую горсть земли.

Вот, собственно, и все.

«М-да, – лениво думал Рэмон, – значит, ткнуться лбом в его руку, а потом бросить... напридумывали непонятно чего!.. Везет ему, вон как спокойно лежит, никто его не трогает, не заставляет разные ритуальные глупости делать... Эх, ладно! А что это на меня отец уставился? Вечно ему что-то не нравится!..»

И Рэмон Ррай взмахнул правой рукой с зажатой в ней би-гойей, да так, что едва не отхватил острой стороной столового прибора ухо Вийлеллю, который пристроился вслед за ним. Тот едва успел посторониться и чуть не упал на руки стоявших позади гостей. Рэмон широко шагнул к насыпному холму и остался один на один с покойным. Кажется, полагалось еще что-то говорить, но Ррай напрочь забыл, что именно. Хотя над плечом кто-то пытался подсказывать злым шипящим шепотом.

Напротив стоял Предстоятель Астаэр и буравил незадачливого молодого арранта пронизывающим взглядом.

– Смотрит, смотрит... Как будто я сам не помню, что нужно делать, – неизвестно к чему забормотал Рэмон, сжимая в руке совершенно не нужную сейчас бигойю. И если язык еще с грехом пополам слушался своего хозяина, то ноги в данное мгновение вдруг решили не повиноваться совершенно. Левая выписала какой-то затейливый пируэт и ткнулась в разрытую землю так, что тупая боль брызнула по пальцам и далее по всей ступне; правая начала подгибаться, и только недюжинным усилием Рэмон Ррай сумел выровнять собственное свое тело, вдруг ставшее чужим и неуправляемым. О предательский иноплеменный напиток! О мера вешей! Рэмон явственно почувствовал, как в спину втыкаются взгляды – ироничные и осуждающие, суровые и смеющиеся.

Он неловко, как-то щекой, ткнулся в мертвую руку князя Гьелловера. Рука была холодная, как безнадежно остывшая свекольная котлета. После этого он наклонился, захватил пальцами горсть земли... Рэмон Ррай торжествующе улыбнулся самому себе (пока никто не видел

его склоненного лица): дескать, могу же, если хочу! Он начал выпрямляться, медленно – как ему казалось, с нарочитым чувством собственного достоинства, хотя со стороны это, наверно, выглядело смехотворно.

И тут поехала уже правая нога.

Рэмон слишком поздно осознал, что кренится и падает. Ноги, ноги!.. Он отчаянно замахал руками, чтобы удержать равновесие...

– Э-э-э! – предостерегающе закричали сразу несколько присутствующих, и уже протянулись чьи-то руки, чтобы подхватить недотепу, но было поздно.

Рэмон вскинул обе руки и грянулся прямо на могильный холм князя Гьелловера. При падении его немного развернуло, и он упал так, что уткнулся головой в тучный бок покойного. Левая рука вцепилась в острую коленную чашечку князя, на ощупь не отличимую от подмороженного свиного пятака. Правая же...

ПРАВАЯ рука...

– О Единый!!!

Крик этот вырвался у всех стоявших неподалеку и видевших, ЧТО произошло. Те, кто не видел, но слышал, напирали сзади, и в короткое время в священной роще воцарились сутолока, давка и даже смятение – явления, совершенно не характерные для похоронных торжеств на Аррантидо в частности и быта аррантов в целом.

Было на что посмотреть...

Правая рука Рэмона Ррая – с судорожно зажатой в ней би-гойей, влажной и липкой – описала незамысловатую дугу и упала на левое плечо и шею князя Гьелловера. Одно такое касание, со стороны сильно похожее на удар, выглядело бы по меньшей мере непочтительно. Если не сказать – кощунственно. В присутствии же Предстоятеля Храма и двух Предвечных, перед лицом градоначальника Галиматтео, а также мудрого Бальтарт-бер-Кайля, Верховного Судьи... Едва ли можно подобрать менее удачную аудиторию для демонстрации выходки, какую позволил себе Рэмон Ррай. И ладно бы он просто хлестнул покойника наотмашь. И не так страшно, не будь в его руке ничего. Но этот злополучный прибор, столь удобный для поедания любых фруктов, эта бигойя, прихотливая комбинация ножа и ложки...

Липкий нагретый металл в руке Рэмона, обрызганный терпким соком, с налипшими ароматными кусочками вкуснейших лакомств, – этот металл вошел точно под подбородок князя Гьелловера. Вонзился в холодное застывшее ГОРЛО, сквозь морщинистую синеватую кожу с неопрятными мятыми складками.

Конечно, в первый момент Рэмон даже не понял, что он сделал. Не было ни смятения, ни страха. Ничего. Напротив, когда он медленно поднял глаза и увидел подбородок и толстую шею Гьелловера, рассмотрел бигойю, косо всаженную в горло по самую ручку – глупая резиновая улыбка вдруг потянула уголки его губ в разные стороны.

Рэмон сощурился: в этом ракурсе князь вызывал ассоциации с умершей от старости домашней птицей, ощипанной для последующего копчения. Но уже через мгновение у него отпала как охота не к месту улыбаться, так и все мыслимые поводы для этого оскорбительного веселья. Бигойя в пальцах Рэмона Ррая вдруг запрыгала, как живая, запульсировала – Рэмон едва успел отдернуть руку, – и **ВЫЛЕТЕЛА** из шеи князя Гьелловера.

Испачканный столовый прибор упал на земляную насыпь, а из раны вдруг ударил фонтан крови! Брызнул, на мгновение зависнув в воздухе темно-красными развесистыми гроздьями! Капли, струйки и целые сгустки крови разлетелись в разные стороны, пятная одежду, лица, головные уборы, регалии собравшихся. Рэмону, как легко догадаться, перепало больше всех. Его буквально окатило мало похожей на аррантскую, густой, с тяжелым сладковатым запахом, кровью. Но главное состояло в том, что эта кровь, извергавшаяся сейчас из пробитого горла покойного, была ЖИВОЙ. Сначала она показалась Рэмону чуть теплой, как соус в слегка пере-

держанном блюде, потом он явственно почувствовал, что она становится все теплее, потом почти горячей и, наконец, начала жечь кожу в тех местах, куда попали брызги!..

Рэмон Ррай вскочил, как ошпаренный, и добрая половина хмеля разом вылетела из головы. А вторая половина сгнула, едва Рэмон глянул на лицо князя Гьелловера и увидел, как резко – одним коротким мгновенным движением – поднялись его припухшие коричневые веки. Но и это еще не все. Князь Гьелловер выгнулся и вдруг, резко поджав под себя ноги, сел. В его пока еще бессмысленных глазах вращалась пустота. У Рэмона отчаянно закружилась голова, и он попятился... Его подхватили, но он грубо высвободился и, выдрав из своего пеллия целый лоскут, начал смахивать с себя горячую красную кровь Гьелловера.

Или кто это был?.. Впрочем, кем бы он ни был, князь Гьелловер или же нечто, вселившееся в уже было умершую телесную оболочку знатного арранта, повел ОН себя не агрессивно. Неупокоенный сидел на земляном холмике и поводил вокруг себя диким взглядом. А потом протянул ладонь и произнес несколько слов. Звучным, приятным баритоном.

И особенно звучен был этот голос в сравнении с треском, хрипом и бормотанием, которые испускал князь Гьелловер в заключительный период своей жизни.

Сказанного никто не понял: Гьелловер говорил на каком-то незнакомом языке. Его сначала мутные глаза вспыхнули живым огнем, на желтых щеках проступил румянец, а рана, нанесенная Рэмоном, начала затягиваться. Гьелловер даже вскинул голову, явно желая продолжать говорить, но его слова были перекрыты бешеным ревом:

– Взя-ать!!!

Сначала никто не понял, кто хозяин этого громового выкрика. Никому и в голову не пришло, что у Предстоятеля Астаэра может быть такая могучая глотка. Между тем приказ отдал именно он. Монахи-Аколиты, выхватив свои посохи¹⁴, ринулись на Рэмона, который и пикнуть не успел, как был взят в кольцо. Светящийся смертоносный наконечник посоха больно ударил Рэмона между ребер. Здоровенный Аколит схватил проштрафившегося сына Предвечного за плечо и стиснул так, что тот невольно взвыл. Второй монах перехватил запястье Рэмона и, ловко завернув ему руку за спину, без малейшего усилия заставил Ррая согнуться так, что его нос чуть было не уткнулся в колени. Верно, в таком покаянном виде его и препроводили бы к Предстоятелю Астаэру, если бы последний сам не воспротивился этому.

Он топнул ногой и закричал:

О Неназываемый, зачем ты вывел к свету таких глупцов!! Не его хватайте, не его, дурни! – От апелляций к божеству церковный иерарх перешел к критике своих духовных сыновей. – Гьелловера... Хватайте Гьелловера... Он – это не он... – Белый священнический убор Астаэра даже сбился набок, когда жрец потрянул головой и в гробовой тишине, установившейся как-то сразу, вдруг выкрикнул:

Гьелловер – АСАХИ!!!

Ррай почувствовал, что железные пальцы на его запястье разжались. Он тотчас же выпрямился и незамедлительно ввинтился в бушующую толпу аррантов, оттеснившую его от ожившего Гьелловера, крича:

– Пропустите! Что творится, о Единый! Что творится!

Полузадавленный Вийлелль, часто-часто дыша, жадно припал к сосуду со спасительным нектаром. Кажется, он уже не опасался за свою репутацию. Его пеллий был основательно разорван, перепачкан в крови и норовил сползти с плеч. Рядом с ним, держась за бок и даже не пытаясь прикрыть обнажившиеся грудь и руки, на негнущихся ногах стояла девушка в лиловой накидке поверх узкого платья. Точнее, в том, что осталось от лиловой накидки после давки,

¹⁴ В настоящее время послушники Храма пользуются квантовыми посохами пятого поколения со встроенным процессором ИИ (искусственный интеллект) и оптимизатором силового поля. Последний позволяет не только использовать посох как могучее оружие, но и резать самые мягкие и самые твердые покрытия – от тонкой кожи до сверхпрочных сплавов, а также готовить пищу и служить источником света.

инспирированной Рэмоном Рраем и некстати воскресшим князем Гьелловером. Аррантка страдала. Судя по ее лицу, она тоже была не прочь глотнуть успокоительного средства Вийлелля. Рэмон Ррай повел себя, как человек, которому совершенно нечего более терять: без зазрения совести выхватил обмотанный термолентой сосуд из рук Вийлелля и опрокинул в себя ледяную терпкую жидкость.

– У-ух! – выдохнул он. – П-памагает!

– Негодяй!! – взвизгнула полуголая аристократка. Но Рэмон Ррай уже не слышал ее. Его снова оттеснили, сбоку надел какой-то воинственный старикан, потрясающий жезлом и выкрикивающий свои заслуги перед Плывающим городом и всей цивилизацией. Почтенный старый аррант упирал на то, что никогда еще его глаза, видевшие в жизни столь многое (от внепланового взрыва сверхновой до уничтожения хищных плазмоящеров на газовом гиганте Азеоранн в планетной системе Веги), никогда еще не зрели такого безобразия!.. Такой возмутительной, кошунственной дикости! В девяноста девяти случаях из ста Рэмон совершенно бы с ним согласился и охотно принес свои извинения. Но сейчас настало время СОТОГО случая! Рэмон ловко увернулся сначала от костлявой руки седого ветерана, потом от посоха Аколита, пришедшего на помощь своим собратьям и явившегося уже по его, Рэмона Ррая, душу. Сын Дредвечного крикнул:

– А вот вам! Да вы знаете... знаете, на кого вы руку поднимаете? Думаете, меня вот так запросто можно скрутить и – в изолятор? Знаете... кто у меня...

Конечно, он не видел, как смотрит на него отец. И молчит. А стоящий рядом с ллердом Вейтарволдом судья Баль-тarr-бер-Кайль говорит вполголоса невесть откуда появившимся людям в синей одежде, с нашивками городского Высшего Надзора:

– Мальчишку взять спокойно и аккуратно. Но помните... Не волнуйтесь, ллерд Вейтарволд, – понизив голос и повернувшись к Предвечному, добавил он. – Мы постараемся не причинить ему вреда.

– Большого вреда, чем он только что причинил себе сам, боюсь, уже не содеешь.

– К сожалению, вы правы. Но самое страшное в другом.

– В чем? – Лицо ллерда Вейтарволда было совершенно непроницаемо.

– Вы слышали, что сказал Астаэр?

– А... это? Асахи?

– У вас великолепная выдержка. Вы и глазом не моргнули, когда произносили это слово. Мы одни из немногих, кто посвящен в самое существование этого табу. Многие даже не поняли. Между тем...

– Простите, но я не хочу говорить на эту тему. Древние атавистические суеверия – не мой конек. Предоставьте это болтливым и суемудрым богословам.

– Но, светлый ллерд, в нынешней непростой ситуации, когда на отдаленных планетах, подпадающих под юрисдикцию Содружества, происходят непонятные, зловещие события... – попытался было протестовать судья, однако Вейтарволд покачал головой. Замерцал вживленный в лобную кость Предвечного бесценный желтый самоцвет.

Между тем Рэмон Ррай ловко ускользал от представителей Высшего Надзора, которым было отдано распоряжение задержать его. Несколько раз ему удалось безнаказанно затеряться среди возбужденных участников церемонии. Ведь далеко не все видели в лицо того, кто стал невольным виновником кошунства, повлекшего за собой смятение и общую растерянность. И далеко не все, до чьего слуха долетело имя: «Рэмон Ррай! Сын самого Вейтарволда!», знали этого самого Ррая в лицо. Так что до поры до времени Рэмону удавалось переигрывать сотрудников Высшего Надзора. Но рано или поздно везение должно было закончиться.

Так и получилось. Его задержал один из гостей и, скрутив, стал звать сначала Верховного Судью, а потом тех, кому последний отдавал распоряжения относительно зачинщика беспорядков.

рядков. Рэмон вырывался, пытался лягнуть обидчика пяткой, извивался и, главное, вопил во все горло (снова замечательно подействовало пошло Вийлелля):

– А вам известно, кто мой отец?! Да как вы смеете... так со мной обращаться?! Ты, толстый! Тебя же на пироги пустят, лютя у нас в Плывущем и не любят мясного! Да мой отец... он...

И что-то в том же духе. Но вот Рэмон осекся и замолк. Про-сто он увидел того, на кого так беспардонно и огульно ссылался.

Ллерд Вейтарволд легко прошел сквозь толпу – все почтительно расступались перед могущественным главой Совета Эмиссаров. Впрочем, даже если допустить, что ему сопротивлялись бы... Едва ли он пробрался бы к Рэмону намного позднее даже в этом, совсем уж невероятном случае. Аррант, задержавший Рэмона, тотчас же выпустил его и боязливо посторонился.

Подошедшие чины из Высшего Надзора тоже не стали трогать Рэмона в присутствии ллерда Вейтарволда.

Отец надвинулся на Рэмона огромной живой скалой – он был выше сына по меньшей мере на полторы головы. Рэмон Ррай сам от себя не ожидал, что выкатит колесом худую грудь, запрыгнет на отца и крикнет прямо в каменное лицо Предвечного дурацким писклявым голосом... Ох! И речь эта – под стать голосу, дурацкая, несолидная, пересыпанная визгливыми междометиями:

– Да я, между прочим... эх!.. ничего такого, в-в-в... чтобы меня тут хватали! Хватают и хватают, как будто я им баба с третьего уровня! Я же не виноват, ага! Не виноват, что этот князь... что он не до конца умер, и... ох!

Отец ничего не сказал. Он просто поднял руку и слегка ткнул тыльной стороной ладони в лоб Рэмона Ррая. Тот запрокинулся назад, и голова его бессильно поникла на тонкой шее. Нет, Рэмон еще успел услышать затихающий вдали шум людского моря, а потом скрипучий голос, раздвинув его волны, выложил:

– За такое нужно, самое малое, – ссылать на планету Керр навечно!

Но Рэмон Ррай уже не видел и не слышал, как монахи-Аколиты окружили неподвижно сидящего на земляной насыпи князя Гьелловера, как выкрикал Предстоятель Астаэр странное, мало кем понятое слово. И оно, облетая поляну и путаясь в ветвях молодых деревьев, словно возвращалось в уста главы здешнего Храма. Снова и снова разносилось, взлетало тревожно и яростно и опять припадало к земле, как тяжелое заклинание: – Асахи! Асахи!..

Глава 3 ВОЗВРАЩЕНИЕ ПСА

Гендаль Эрккин вернулся из мест очень отдаленных (с грязной рудничной планетки в созвездии Пса, тьфу!) ранним лимонно-желтым утром. Гендаль то и дело задирает голову, видел небо и чувствовал, что может вот-вот заплакать, но слезы упорно не наворачивались... Его широкое лицо перекосилось сразу же, когда он увидел жену. Изъеденная кислотой правая щека дернулась. Нет, не от чувств. В глубоко посаженных глазах цвета черного винограда всплыло тусклое раздражение, когда он услышал скрипучий голос своей старухи. Та ничуть не была обрадована. Чего ей радоваться, в самом деле? Она давно убедила себя, что Гендаля сожрали свирепые рудничные псы-тиерпулы, либо он умер от надрыва внутренностей, а может, пытался бежать и канул без остатка, растворился в кислотных дождях планеты Керр. Старуха выставила нижнюю губу со следами трех проколов о просрочке выплат и выговорила:

– Явился! Наверно, и пяти инфоциклов не завалилось... А нам... мне – плати!.. За регистрацию, за надстройку антигравов... И чего это тебя так разнесло, – хорошо кормили?

Она даже не пыталась скрывать своего недовольства. Более того, она продолжала развивать свою пропитанную желчью мысль, показавшуюся удачной:

– Поди, жрал так, что трещало за ушами? Там, говорят, псов сторожевых кормят на убой? Ты, может быть, был там на положении пса, нет? Ты ведь у нас вообще собак любишь, еще на Гвельхаре по загровку трепал, ласкал? Даром, что я от тебя такой ласки даже близко не видела. Чуть что: убью, пришибу, сброшу вниз, да чтобы прямо на кончикчики Священной ограды Братьев попала... чтобы всю насквозь проткнуло!

– Тише ты, дура! – сказал Гендаль Эрккин сквозь зубы, но беззлобно. Скорее устало.

– Я же говорила!.. – всплеснула та руками, одна короче другой. Но Гендаль уже повернулся к ней левым ухом, тем, в котором еще тридцать лет назад, на первой отлучке, лопнула барабанная перепонка. Тогда был взрыв в шахте, прорвавшиеся раскаленные газы живьем запекли в жаркое пять сотен рабочих, а Гендаль отделался вот этой лопнувшей перепонкой. Зато на всю жизнь получил отвращение к жареному и печеному мясу. В глазах нет-нет да вспыхивали короткие видения той преисподней: угольно-черные клубы, огненный провал шахты, глухо ворчит, ворочается дальний грохот, словно в ненасытном брюхе чудовищного великана. В ноздрях невыносимый запах горелого мяса. Сумасшествие. Голодные рудокопы вытаскивают из забоя горячие, еще дымящиеся тела своих недавних товарищей по несчастью, один из них не выдерживает и впивается зубами в плечо покойника... Мясо ароматное, сочное, хорошо прожаренное – чудовищный кулинар ТАМ, в сердце горы, знал, как следует готовить человечину. И вскоре все пространство громадного грузового лифта, поднимающего партию живых и мертвых на поверхность, огласилось жадным чавканьем, хрустом и треском ломающихся костей и суставов – живые поедали мертвых. Гендаль тоже в этом участвовал. Это был последний раз, когда он позволил себе прикоснуться к мясному. Проклятая, проклятая планета Керр из дальнего созвездия Пса!

Эрккин окинул взглядом свой дом. Собственно, он сориентировался бы тут и с закрытыми глазами, потому что все знакомо до тонкости и не изменилось за те очередные десять лет, которые он отсутствовал. Те же три комнаты, две из которых безнадежно завалены хламом, а третья только потому и относительно чиста, что в ней старуха принуждена была готовить пищу и задавать промежуточные настройки дома, а это не терпит грязи и суеты. Гендаль Эрккин глухо бухнул локтем в переборку из грубого синтоколла. С потолка что-то посыпалось, послышался короткий сдавленный вой датчика: это сработал бытовой уравниватель антигравов, сплошь покрытый пылью и затянутый толстой паутиной. «Откуда тут у нее пауки?! –

раздраженно подумал Эрккин... – Ладно бы еще летучие мыши, бурриты¹⁵ или иная крылатая нечисть, но с каких пор пауки научились забираться в Пльвущие города? Хотя от неряхи жены всего можно ожидать, поди снова покупала контрабандные товары с родного Гвельхаря».

Эрккин махнул рукой и сел на грубый топчан, обитый материей. Он неспешно высморкался на свои колени и растер ладонью. Старуха смотрела на него выжидающе. Наверно, у возвращенца было такое выражение лица, что она предпочла немного придержать свой болтливый язык и выяснить, с чем же явился домой Гендаль. Он сидел, низко опустив голову и закинув руки с переплетенными короткими пальцами на затылке. Была видна его красная шея – мощная и короткая; бугристые мышцы обтягивала пористая кожа того оттенка, который можно приобрести только в подземных выработках Керра, – карьеры там освещаются особыми световыми пучками, из которых начисто исключена ультрафиолетовая часть спектра и интенсифицированы инфракрасные, тепловые лучи.

– Значит, вот что, – наконец сказал Гендаль, не поднимая головы, – ты не бойся, я не надолго. Я вижу, ты не очень-то мне рада. Но и на том спасибо, что дверь открыла. Я сам знаю, что мне тут не место, в этом вылизанном городе. Да и привык я к земле, не могу, как надувной шарик, болтаться где-то в небе только из-за того, что у этих аррантов на поверхности могут жить и работать только ихние храмовники. А остальные могут на земле, в лесу там или в рощице, у реки... только отдыхать, да и то если оформить разрешение. Здешним, может, это и нравится, а вот только я больше тут жить не буду, да. И на гравиплатформы работать не пойду.

– Вернешься домой? – спросила жена. – На Гвельхар?

– И поскорее. Да, наверно, так. Первым же рейсом.

– А зачем же сюда явился?

– Так брали-то меня «синие»¹⁶ здесь, в Галиматтео, и теперь обязаны... по закону... сюда же и вернуть. Хотя я просил, чтобы меня забросили прямо на Гвельхар. Ведь они делали там остановку, чтоб выгрузить других освободившихся, – тех, что были осуждены судом Нижних Земель.

– Не согласились?

– Сама видишь...

– Вижу, – вздохнула старуха. – Конечно, я тебя вижу. Ты первый, кого вижу вот уже в течение десяти дней.

– А что такое? – поднял голову Гендаль. – Тебе снова отключили...

– Ну да, отключили, – сказала та, указывая пальцем на тусклую полусферу, обращенную срезом вверх. Поверхность среза с еле заметным выпуклым бугорком посередине уже начала покрываться пылью. «Значит, этим прибором связи не пользовались вот уже несколько дней, – подумал Эрккин. – В противном случае всю пыль мгновенно уничтожило бы, смело без помощи щетки. Размазало бы на атомы».

– Единственная радость – поговорить с родными из Нижних Земель, из нашего Холльдара, с родными, – продолжала пожилая женщина, уже откровенно давя на жалость. Она, эта старая Гамила, знала своего мужа: тот был груб, суров, порой мог быть жестоким, но у него было доброе сердце. И еще он не выносил женских слез. Совершенно. Вот и сейчас дернул изувеченной щекой, потер грубой ладонью лоб и буркнул:

– Не гнуси. Благополучия не прибавится, а вот меня ты точно изведешь, и тогда... сама знаешь. Ладно, не хнычь, что-нибудь придумаем.

И хлопнул жену по бедру. Та всхлипнула. Гендаль повторил:

¹⁵ Насекомое, нечто среднее между комаром и саранчой. Геномодифицировано аррантами с тем, чтобы не причинять вред населению планеты.

¹⁶ Цвет униформы представителей правопорядка на Аррантидо-дес-Лини.

– Что-нибудь придумаем. Правда, не обещаю, что нам не придется вернуться домой, на Гвельхар.

– Ты возьмешь меня с собой?! – Жена даже подпрыгнула от удивления.

– Куда же тебя денешь... Хотя ты и старая обезьяна, эге? Гамила всхлипнула повторно. Гендаль Эрккин качнул массивной головой и глубоко задумался. Странные, непривычные мысли пришли ему на ум, явились непрошеными и закрутили дерзкий, циничный хоровод. Никогда еще он не думал о прошлом, слишком много ему грезилось о будущем – там, в аду керрских каменоломен, когда над твоей головой залегают толщи мертвых горных пород, а над ними, на поверхности планеты, бушует кислотный дождь, выедающий даже залежи металлических руд. Он думал тогда, как вернется, войдет в свой дом, незамысловатый старый дом с ворчливой стареющей – да что там, старой – женой! И вот – он здесь, он может ее обнять, да только не поднимаются руки, и вспоминается нежданно та, другая Гамила, какой она была много лет назад. ТОГДА еще не горела в груди Эрккина эта тусклая, ни на секунду не отпускающая боль. Порой она становилась сгустком такой жуткой концентрированной муки, что готова была разорваться грудь, разойтись вопящими от боли складками плоть. ТОГДА он был молод и не уродлив, – ныне старый, трепанный жизнью пес, а Гамила еще оставалась той привлекательной, плотной, пышущей здоровьем женщиной, к которой его когда-то качнуло, как стрелку рудоискателя к залежи железных руд. Нет, она не была красавицей. Никогда она не была красавицей, да и зачем это подруге Гендаля Эрккина, который в женщинах ценил только силу здоровой молодой самки и способность к деторождению. Ну и – чтобы рядом была, потому Сам Неназываемый аррантов и все племенные боги Гвельхара заповедали, чтобы рядом с мужчиной всегда была женщина.

Нет, не сбылось. Здоровье ушло, как и не было его никогда, а детей она ему так и не родила. Не суждено. Гендаль Эрккин мучительно закашлялся, смертоносная рудничная пыль, давно засевшая в груди, рванула, расперла легкие. Гамила смотрела на него, и впервые в глазах старой женщины появилась озабоченность и... нет, не нежность, но какая-то искорка от той, прежней Гамилы. Но он не видел ее лица и не чувствовал обращенного к нему взгляда. Он спрятал свое лицо в огромных ладонях и молчал.

– Послушай, Гендаль, – произнесла жена. – Я вот что хочу сказать. Ты только не ругайся, не колоти локтями в стены и не дерись. Вот что... Ты ведь был знаком с... с...

– Ну?

Она явно колебалась, желая назвать какое-то имя. Но это имя никак не выходило наружу, словно расперев гортань и высушив слипающиеся губы. Наконец Гамила решилась:

– Ты ведь был знаком с ллердом Вейтарволдом. Ведь ты виделся с ним на планете Керр, – она заговорила быстрее, словно опасаясь, что суровый муж в любой момент прервет, перебьет ее. – Ты встречался с ним на планете Керр в прошлое свое отлучение, и ты говорил, что он был добр к тебе... Хотя он надзирал за порядком, а ты... ты был обычным преступником, отбывающим срок...

Мимолетная улыбка проскользнула по его губам:

– Вейтарволд? Надзирал за... порядком?! А, ну да. Он и сейчас добр ко мне. Он предлагал мне смягчить условия проживания на планете Керр в этот, последний, раз. Все-таки я спас ему жизнь. Два раза.

– Вот видишь, – обрадовалась Гамила, – жизнь... Два раза! А жизнь – не шутка, особенно такого знатного и возвышенного арранта, как ллерд Вейтарволд, да хранит его Неназываемый и поминают добром все боги Гвельхара! Он теперь управляет Советом Эмиссаров... Что ты молчишь? Ты хоть понимаешь, что это значит? Он... он...

– Да все я отлично понимаю, – проворчал Эрккин, – и что такое Совет Эмиссаров, тоже отлично знаю. Он расписывает миссии Избавления. Избавления! Если говорить по-простому, по-нашему, он дает указание, какую очередную планету Звездный флот Содружества должен

захватить и подмять под себя. И еще сообщает, как следует обойтись с населением. То ли мягко взять под покровительство, как этих... где он работал... Зиймалль-ол-Дез. То ли... это... оккупировать, – нашел он нужное слово, и глубокие складки пробороzdили его тяжелый, скошенный к затылку лоб, – то ли очистить под ноль, вытравить население, как насекомых. И все это – исходя из великого принципа целесообразности!.. А если говорить проще, то им просто нужно сырье из недр планет. Их собственную планету вырабатывать ведь нельзя, – грех! Вера запрещает! Н-да... целесообразность, эге... Кажется, этаким вот красивым и мудреным словечком они называют ту душегубку, которую устроили, скажем, на так называемой планете Роз. А ведь все прегрешение ее жителей состояло в том, что они...

– Гендаль!!

– ...были очень нечистоплотными и...

– Гендаль Эрккин!!!

Вернувшийся домой преступник не успел поведать о том, за какие провинности уничтожено по приказу ллерда Вейтарволд-да все население планеты Роз. И вовсе не оттого, что жена принялась кричать так, что болезненно запульсировало в ушах. Нет, совсем не из-за этого, к тому же старая Гамила, испустив два вопля, осеклась и стала оседать по стене. Ее остановившийся взгляд был направлен на пыльную полусферу ль'стерна, бытового прибора связи.

Из среза полусферы, еще недавно затянутой пылью, поднялся чуть пульсирующий лиловый столб света. В этом столбе возникла полупрозрачная фигура, завернутая в пеллий. Эрккин медленно поднимал голову, скользя взглядом от босых ступней к перетянутой поясом талии, к мощным обнаженным рукам, перевитым спиралевидными браслетами в виде стеблей растения крильбаухх, или «черного змея». Эрккин мог не смотреть дальше. Он сразу понял, кто мог надеть браслеты-клеоммы, сработанные под зловещее порождение планеты Керр, единственное из выживших под непрекращающимися дождями из концентрированной кислоты.

Ллерд Вейтарволд!

Хотя гвеллям, как инакорoжденным, и не вменялось в обязанность приветствовать Предвечного, старая Гамила машинально подняла дрожащую ладонь в почтительном жесте. Ее губы посерели. Хозяин дома отреагировал гораздо спокойнее. Он поднялся, волна грубых тканевых складок скатилась с его широченных плеч. Гендаль Эрккин произнес:

– Мир в твоём доме, светлый ллерд Вейтарволд! Какими ветрами тебя занесло в эти стены? Тебе было скучно без меня – протирать дыры на пеллиях, заседа в Совете Эмиссаров? Решил навестить, да еще так ко времени приспел?..

– Можно сказать и так, – медленно, по слову, выговорил Предвечный и даже позволил себе улыбнуться, – хотя оказалось, что и без тебя нашлось, кому меня веселить.

– Но ты, наверно, появился у меня не для того, чтобы сообщить об этом?

– У тебя такой тон, будто ты нисколько не удивлен. Как будто ты ждал, что я распоряжусь включить аппарат связи в твоём доме... ведь он вроде был отключен за неуплату, не так ли? И как будто ты ждал и меня самого. Нисколько не удивился, – повторил Вейтарволд.

– Видишь ли, там, откуда я вернулся, меня совсем отучили удивляться чему бы то ни было. Иногда и хочется, ан нет, не могу! – Гендаль Эрккин звучно хлопнул ладонью по колену, и его широкое лицо с высокими массивными плитами скул помрачнело. – Да что я тебе рассказываю, правда? Ты ведь сам знаешь ничуть не хуже меня, хотя изрядно подзабыл. Но, видно, не совсем, раз у тебя на руках красуются эти клеоммы, изображающие незабываемого «черного змея». Правда, Волд?

Гамила закрыла голову руками. Ее сумасшедший муж, каторжник и бродяга, называет одного из могущественнейших людей планеты просто Волдом?! Как какого-то сержанта?! Нет, теперь им точно отключат антигравы, а после недели простоя утилизируют дом!

– Правда, Волд? – переспросил Эрккин.

– Правда, – помедлив, ответил Предвечный. – Ты мне нужен, Гендаль по прозвищу Пес. Срочно. Для одного дела, которое не следует разглашать.

В голосе бывшего каторжника сквозила насмешка:

– А что, у такого могущественного ллерда, как ты, не нашлось преданных людей, которым можно поручить самое щекотливое дельце, э? Ведь ты, наверно, не одну сотню подхалимов облагодетельствовал. Что ж я? Меня вообще скоро выселят отсюда. И не стану ломаться, скажу напрямик: я буду этому рад.

– Потому и хочу поговорить с тобой, что ты привык высказывать мысли напрямик. Ты груб, но верен.

Гендаль Эрккин пошевелил пальцами клешневатых рук и, помедлив, отозвался:

– Куда это ты клонишь, Волд? Верен... Ты думаешь, я сразу примусь тебе служить, как только ты соизволишь меня немного прикормить? Если ты хотел поговорить со мной как давний знакомец, доверительно и по душам, то ты выбрал не самое удачное начало.

Тут у Гамилы наконец прорезался голос. Боязнь мужа и то неназываемое состояние, в которое она впала при появлении главы Совета Эмиссаров, были вчистую перекрыты ужасом при одной мысли о том, ЧТО еще может наговорить Эрккин своему высокому собеседнику, если он уже начал грубить!.. Га-мила закашлялась, и из ее горла вырвалось эдакое прокисшее бульканье:

– Гендаль... ты что же, ставишь Его Светлости условия?! Кто – ты, и кто – он, чтобы его... ему...

Эрккин медленно повернулся к жене и задвигал нижней челюстью, словно пережевывал неподатливое, плохо прожаренное и грубое мясо. Глянув в это широкое лицо с изуродованной щекой и налитыми кровью маленькими глазами, Гамила тут же осеклась. Ибо вспомнились ей псы-тиерпулы, которых однажды показывали в передаче Инфосети Пльвущего города. Передача в формате полного соприсутствия бросила к ногам оторопевшей женщины свору бешеных псов-людоедов. Порода тиерпул была специально выведена для охраны учреждений, входящих в пенитенциарную систему Содружества. Имелись сведения, что при выведении породы был использован ген ядовитого тритона с безымянной планеты, на девяносто девять процентов покрытой водой. Тритон обладал чудовищной живучестью, пастью, полной ядовитых зубов, а главное – фантастической регенеративной способностью: новая особь могла развиваться едва ли не из отрубленной конечности. В моделировании генетической структуры породы тиерпул все эти качества тритона были промодулированы и закреплены... Гамила навсегда запомнила страшные слюнявые морды у своих ног, выкаченные красные глаза и оскаленные желтые клыки. Кривые мощные лапы и мускулистые тела, на которых самые страшные раны затягивались прямо на глазах. Нет, все-таки глаза, глаза – самое страшное!.. Абсолютно бессмысленные, то затягивающиеся какой-то полупрозрачной белесой пленкой, то вспыхивающие демоническим красным светом!.. Гамила видела тиерпулов ТАК, будто они на самом деле бесновались у ее ног, а не были отделены от нее неизмеримыми безднами пространства. И глаза, глаза!..

Точно такие глаза, как у тех псов, были сейчас у ее мужа.

И потому язык моментально присох к гортани, а голова произвольно вжалась в плечи. Взгляд бешеного пса-убийцы был у Эрккина только мгновение, в следующую секунду выражение глаз снова стало обычным, в чем-то равнодушного и очень усталого человека. Гамила закашлялась и притихла. Гендаль Эрккин снова повернулся к ллерду Вейтарволду и услышал от него следующее:

– Нет, сейчас я излагать не буду. Нужно встретиться лично. Я жду у себя.

– У меня антигравы подсели.

– А я и не прошу, чтобы ты тащился ко мне со всем хозяйством. Я пришлю скоростной болид. Он тебя доставит. Тогда и переговорим лично и без свидетелей.

– Ты так уверенно...

– Конечно, уверенно. Наверное, пилот болида уже ждет у входа в транспортный портал твоего корпуса. Впрочем, нет. Не наверно. Он ждет тебя там совершенно точно. До встречи, Гендаль Эрккин. Не подведи меня, Пес!..

Лиловый столб потух, но в воздухе некоторое время еще мерцала полуразмытая белесая полоса, в которой стояла пыль, слетевшая со стен и потолка. Гамила растерянно смотрела на мертвую полусферу ль'стерна, и, верно, роились в ее голове, как вот эти пылинки, – беспомощные мысли: «Лучше бы прибор связи оставался отключенным!.. Лучше бы мы были отрезаны от города в этих стенах, и никогда, никогда!..» Она подняла голову – медленно, в несколько приемов, словно отдыхала после каждого движения. Гендаль Эрккин затягивал грубую, прочно сработанную пряжку на левом сапоге, Гамила спросила:

– Так ты... пойдешь?

– Да, – коротко ответил он. – Он не позвал бы просто так.

– Но если он...

– Если ты имеешь в виду то, что со мной может что-то случиться, так это ты зря, старуха. Ничего дурного со мной не будет. Ты сама говорила, что он высоко взлетел и может уничтожить меня движением пальца. Так зачем ему в таком случае связываться со мной лично? Нет, я думаю, что мне повезло. Вейтарволд ничего не делает просто так. Я ему нужен, да. Значит, и я... могу воспользоваться его силой. Не горюй, старая! Я вернусь, скоро вернусь. В конце концов, ты ждала меня уже столько, что подождешь и еще чуть-чуть. Эге?..

– Да... ты всегда обещал, а я, дура, всегда... верила!

Гендаль Эрккин вышел из дверей своего жилища и покрутил головой. Потом направился к транспортному portalу, общему для его дома и еще десяти таких же двухуровневых корпусов, налипших на магистральное здание, как грибы-паразиты на ствол большого дерева. У портала в самом деле его ждал болид. Эрккин цапнул неприязненным взглядом изысканные обводы вытянутого, идеально обтекаемого темно-синего корпуса, откинул дверцу люка и сел внутрь. Он глянул на пилота и окончательно уверился в том, что ллерд Вейтарволд серьезно в нем нуждается: Предвечный прислал за ним, Эрркином, только что освободившимся каторжником, своего ЛИЧНОГО пилота. Такую честь ллерд Вейтарволд мог оказать ну разве что десятку горожан, к примеру градоначальнику князю Айюлю или Верховному Судье, мудрому Бальтарт-бер-Кайлю.

Пилот, похоже, не разделял заинтересованности своего господина в услугах Гендаля Эрркина, потому что даже не посмотрел на изуродованное лицо Пса, когда последний пробурчал что-то вроде приветствия. Он сорвал болид с места, сразу набрав головокружительную скорость; веером раскрылись городские здания, слились в непрерывную сияющую стену, потом мелькнула гигантская белая башня Высшего Надзора, купол Совета Эмиссаров, увенчанный лиловым обелиском Избавления. Эрккин увидел крупнейший в Аррантидо-дес-Лини мост Ардейо (Лилий), все семь его гигантских многоуровневых пролетов и сотни субпролетов, эстакад, тоннелей, арок... Впрочем, Гендаль не успел рассмотреть это потрясающее сооружение более основательно, потому что болид резко нырнул в тоннель-пульсар и через несколько мгновений остановился у транспортного портала Авелинна. Такое название носил дворец ллерда Вейтарволда.

Гендаль Эрккин задрал голову, разглядывая сквозь прозрачный купол болида верхнюю надстройку портала, где на высоте двадцати человеческих ростов возвышалась величественная фигура хозяина особняка – голографический двойник, впятеро больший, чем оригинал. Псу даже показалось, что голограмма чуть склонила массивную голову и ядовито сверкнул желтый камень, навеки вделанный в череп Предвечного.

Обособник ллерда Вейтарволда был одним из наиболее грандиозных сооружений Плывущего города Галиматтео. По сути, это было не одно здание и даже не комплекс их, а отдельный городок на единой гравиплатформе. Дворец Вейтарволда, с его автономными энергетиче-

скими системами и собственным генератором-антигравом, с персональным кодом присутствия мог существовать и отдельно от Галиматтео. Но коренное отличие убогого жилища Гендаля Эрккина от гигантских апартаментов Предвечного было вовсе не в размерах и не в роскоши. Отнюдь нет!.. Корпус, в котором проживали бывший каторжник и его жена, конечно, мог перемещаться по всей территории и по почти всем уровням Плывущего города. Достаточно было активировать антигравы, перелететь от одного магистрального (опорного) здания к другому и пристыковаться. Но антигравы Эрккина питались от общего энергетического поля Галиматтео, поэтому дом мог менять свои координаты только внутри городской полусферы, да и то в рамках Генерального распределительного плана. Вылететь за пределы города жилой корпус Эрккина не мог: требовались существенно более мощные антигравы. Чем мощнее антигравы, тем дальше то или иное строение может отойти от Галиматтео. Считалось престижным, когда в праздники или Дни Храма богатый горожанин мог себе позволить вывести свой дом далеко за городскую черту, «повесить» его над какой-нибудь живописной местностью и наслаждаться природой. Главное – иметь достаточно мощные антигравы и совершенный уловитель поля, иначе был риск разорвать связь с антигравитационной системой Галиматтео и рухнуть в лес или в реку, а то и, не допусти Единый и Неназываемый, – в океан!

Особняк же Вейтарволда не нуждался в энергетической подпитке Плывущего города, он был совершенно самодостаточен. По сути, это чудо аррантийской техники было красивой комбинацией комфортного жилья и великолепного транспорта, дающей возможность перемещаться по всей территории планеты. Предвечный позволял себе подобные отлучки из города вместе со своим дворцом нечасто, но когда это случалось, на том месте, где был зарегистрирован особняк, появлялся громадный голографический двойник – точная копия настоящего дворца. Это делалось преимущественно в эстетических целях, чтобы не портить панораму города: дворец ллерда Вейтарволда был одной из жемчужин городской архитектуры.

...С мрачным удивлением рассматривал Гендаль Эрккин жилище своего давнего знакомого.

Тут впервые подал голос пилот, он был краток и очень сдержан:

– Выходи.

У Эрккина дернулась щека, а руки машинально сжались в кулаки, но он тут же вспомнил; где находится, и сдержался. – Что?

– Выходи, – повторил пилот. – Предвечный ждет тебя. И, как полагалось каждому арранту при упоминании имени того, кто носит титул Предвечного, пилот поднял ладонь в почтительном жесте...

Эрккин вышел.

Дворец Авелинн был так велик, что и внутри него мало кто ходил пешком. По свидетельству все того же Табачникова-Лодынского, неоднократно бывавшего на Аррантидо и прекрасно изучившего многие из достопримечательностей этого своеобразного мира, во дворцах аррантских вельмож часно пользуются вспомогательными транспортными средствами. Это – турбоскейты на магнитной подушке, специальная обувь с вмонтированными в подошву инерционными ускорителями, а также дегравитаторы в виде поясного ремня – для передвижений на открытом воздухе. Все перечисленное выше употребительно и на улицах. Но арранты – странные существа и по городу любят гулять обычным шагом, а вот по построенным с титаническим размахом галереям и переходам аристократических дворцов нужно непременно летать со скоростью спятившего буррита!..

Итак, ллерд Вейтарволд ждал Гендаля Эрккина в своих покоях. Он крутил на ладони миниатюрную модель боевого крейсера Звездного Флота. Модель переливалась огнями защитного силового поля и плевалась маленькими красными лепестками вспышек – выстрелами из крошечных плазменных орудий. В тот момент, когда вошел Эрккин, Предвечный неловко под-

ставил ладонь под один из таких выстрелов и слегка обжег кожу. Рука дрогнула, и гордый крейсер Звездного флота в масштабе 1:20000 упал на слегка фосфоресцирующие плиты пола.

– Здравствуй, Волд.

– Привет и тебе, – отвечал хозяин дома, дунув на обожженную ладонь. – Присаживайся, не чинись. Чего-нибудь покушать, попить?

– Я сыт.

– Первый раз слышу, что Эрккин Пес сыт, – усмехнулся Вейтарволд.

– Я имею в виду, что уже по горло наелся твоим обхождением, Волд, – не разоряясь на втиеватости, напрямик брякнул Гендаль и сплюнул на пол. – Давай сразу к делу.

– Пройдем на балкон, – невозмутимо предложил светлый ллерд. – Там открывается отличный вид на мост Ардейо. Тебя, кажется, всегда впечатляло это сооружение? Пойдем.

Просторный балкон (один из тридцати трех в особняке ллерда Вейтарволда) был отделан кейонным деревом, произрастающим в экваториальных областях планеты и имеющим редкое свойство освежать и ароматизировать воздух, убивая в нем все болезнетворные споры и вирусы. Кейонн был по карману лишь богатым вельможам Галиматтео – не только из-за дороговизны исходного материала, но и вследствие жутких цен лицензий на вырубку. Впрочем, Гендаль Эрккин, в ноздрях которого прочно засел удушливый запах шахты, а легкие работали с перебоями, едва ли мог оценить и аромат, и оздоравливающий эффект... Он даже не почувствовал, как точатся, циркулируя по замкнутому кругу, свежие, терпкие запахи, которые можно сравнить, к примеру, с мелко распыленными брызгами мандаринового сока¹⁷. Гендаль Эрккин присел возле небольшого фонтана, из которого била светло-зеленая струйка нектара, и бросил:

– Ну.

Вейтарволд произнес:

– Ты, конечно, знаешь о смерти и похоронах князя Гьелловера, моего троюродного брата?

– Нет. Я не знаю не только о похоронах князя Гьелловера, – медленно заговорил Гендаль Эрккин. – Но и о самом Гьелловере первый раз слышу. Теперь буду знать, что он – князь и твой троюродный брат. И?..

– Сразу видно, что ты вернулся в Галиматтео только сегодня. Сейчас несостоявшееся погребение князя Гьеллове-ра – главная тема для обсуждения в городе. В Инфосфере даже открыли отдельный портал для толков и пересудов на эту тему.

Гендаль Эрккин недоуменно приподнял густые брови:

– Что значит – несостоявшееся?.. Как это погребение может не состояться?

Короткими, скупыми фразами ллерд Вейтарволд обрисовал КАК. Свой невеселый рассказ он закончил следующей фразой:

– И теперь, вместо того чтобы с миром покоиться в земле, согласно своим прижизненным заслугам, – наш князь находится в экспериментальном изоляторе при Институте нейропрограммирования. Это в Лазерном квартале, – прибавил он. – Там размещен целый научный комплекс, если не знаешь.

– Не знаю, – сухо уронил Эрккин. – И что же, Волд?

– Как я сказал, во всем этом замешан мой сын. Его дурацкая выходка с зиймалльским напитком, которым он склонен в последнее время несколько злоупотреблять... Бигойя, с которой этот недоумок поперся к могильному холму! О Единый!

– И что теперь?

– Теперь он настроил против себя не только всю родню Гьелловера – с родней я бы разобрался, тем более это и моя родня тоже. Теперь он приобрел злейшего врага в лице Предстоятеля Астаэра. А Храм – это такая структура, с которой даже мне опасно ссориться. Сорван-

¹⁷ Такое сравнение приводит О.П. Табачников-Лодынский

ный обряд погребения – кощунство. Так считает Астаэр, и надо сказать, что он прав. К тому же эта странная метаморфоза с князем... Впрочем, мы говорим не об этом, – быстро оборвал сам себя Вейтарволд и угрюмо отвернулся. – Вот так... Словом, у меня большие проблемы с сыном, Эрккин. Он меня позорит. В моем положении терпеть такое недопустимо, никак!.. Я подумал, что ты мог бы мне помочь.

Гендаль Эрккин сморщил нос, будто готовился чихнуть, и сухие колючие искорки замелькали в его темных глазах:

– Помочь?! Я?! Ты прекрасно знаешь, КАК я могу помочь, если у тебя возникают неприятности с каким-то человеком. Впрочем, ему даже не обязательно быть человеком.

– Нет, ты меня неправильно понял. Неужели ты подумал, что я попрошу тебя убить собственного сына? – с убийственной прямоотой выговорил ллерд Вейтарволд. – Конечно, нет.

– Ну так объясни!

– Объясняю. Я не всемогущ. Быть может, я мог бы полностью оградить его от гнева храмовников. Возможно и обратное... В данный момент я опасаясь не столько санкций Храма, сколько себя самого. Потому что в один прекрасный момент мое терпение может лопнуть, и я предпочту позабыть, что он мой сын, и предоставить ему самому плыть по жизни. Без моей помощи. А без меня он быстро, очень быстро захлебнется и пойдет ко дну, – тут, к сожалению, пока что не может быть никаких сомнений. Он изрядно подзадержался в периоде розовой юности и не желает понимать, что, помимо развлечений, праздников и удовлетворения собственных, весьма эксцентричных, прихотей, существует иная сторона жизни. Та, которой он не желает видеть. Та, которую я решил ему показать. В общем, я принял решение. Рэмон должен оставить Галиматтео. Более того, он должен оставить Аррантидо. Я отправлю его на одну из территорий Избавления... Я подобрал планету, на которой, быть может, он несколько пересмотрит свои приоритеты.

– Да? Не на Гвельхар, случаем?

– С каких это пор Гвельхар подпал под миссию Избавления? Я же ясно сказал... Есть одна планетка. Я там в свое время немало поработал.

– Зиймалль?

Ллерд Вейтарволд сделал утвердительный жест рукой¹⁸.

– А при чем тут я?

– Я хочу, чтобы ты сопровождал его в этой поездке и первое время на Зиймалль-ол-Дез.

Гендаль Эрккин резко подался вперед и тут же мучительно закашлялся. Ллерд Вейтарволд терпеливо ждал, пока его собеседник придет в себя и сможет отреагировать членораздельно, но Гендаль, кажется, не торопился высказываться. Даже откашлявшись, он не проронил ни слова, а без особых церемоний приник к струе нектара, бьющей из фонтана, и освежил рот. Вейтарволд продолжил:

– Я твердо решил, что Рэмона Ррая нужно отправить с Аррантидо. Не надо дразнить Храм!.. Но ему нужен сопровождающий. Этаким наставник, который сможет обуздать его легкомысленные порывы и ввести в жизнь – в иную жизнь, в корне отличную от той, которую он ведет тут, в Галиматтео. Пока я богат и влиятелен, у меня большой выбор тех, кто с радостью бы выполнил малейшее мое пожелание. Но, боюсь, скоро могут настать ДРУГИЕ времена. И потому мне требуется человек, которому я могу доверить своего сына. Друг, который меня не предаст, друг, которому все равно, на вершине ли я могущества или... на дне пропасти! – Тут ллерд Вейтарволд возвысил голос, и углы его властного рта опустились книзу. – Ведь ты однажды уже спас мне жизнь...

– Дважды.

¹⁸ Система жестов у землян и аррантов существенно отличается. См. труд О.П. Табачникова-Лодынского «Сигнификативные системы аррантов». М.: Наука. 2000. Хотя эту муть не всякий одолеет...

– Прости... Дважды! Ты знаешь, что значит – спасти жизнь. Тем самым ты взял на себя многие обязательства. И ты не можешь отказать мне, потому что в какой-то мере отвечаешь за меня, за мою жизнь и за существование моих близких.

– Почему-то ты вспоминаешь об этом только тогда, Волд, когда тебе удобно.

– Если ты намекаешь на то, что я мог вытащить тебя с планеты Керр, из этой преисподней, то я сделал все, что от меня зависело. Ты сам отказался принять помощь. Ты заявил, что отбудешь свое изгнание честно, до последнего дня. Это был твой выбор, я его уважаю, и не мне его оспаривать.

– Да, это верно.

– Мне известно твое нынешнее положение. Если говорить мягко, оно незавидное. А уж если называть вещи своими именами, тебе впору возвращаться в Гвельхар, на родину. Там тебя тоже не ждут с распростертыми объятиями – ты сам прекрасно знаешь, КАК относятся там к гвеллям, которые долго жили в Плывущих городах Аррантидо и тем более бывали в аррантских тюрьмах и на аррантских каторгах.

– Не спорю, – невозмутимо отозвался Эрккин, но предательски дернулась, выдавая его истинное душевное состояние, изуродованная щека, а густой багровый румянец стал пятнами проступать на темном лице.

– Потому я предлагаю вариант, который при сложившихся обстоятельствах является лучшим и для меня и для тебя. И для моего сына, хотя он еще ничего об этом не знает.

– А он?..

– Спит вторые сутки. Хорошенькие у него вышли похороны, наверняка ничего и не припомнит. Ничего, я его просвещу!

Эрккин кашлянул раз и другой. Он ожидал деталей.

– Вы полетите на Зиймалль сразу же, как он очнется и немного придет в себя. Правильные документы и билеты уже подготовлены. Пассажирский лайнер «Лемм» отбывает из космопорта Уль-Барра завтра в полдень...

– «Лемм»? – переспросил Гендаль Эрккин. – Это такая устаревшая чушка, на которой разве что скот не перевозят? Серия трехсотых годов, в употреблении с тех времен, когда я у своего папаши еще в штанах не прыгал?

Быстрая улыбка искривила губы ллерда Вейтарволда. Эрккин добавил:

– Насколько я знаю, эти «Леммы» на очень плохом счету. Их еще «шалашами» называют. Дескать, ненадежные, ветхие, пора их снимать со всех линий, а в гипертоннелях они вообще не держат перегрузки... и...

– Да, все «Леммы» будут снимать с маршрутов, – подтвердил Вейтарволд, – но нельзя же сделать это сразу. «Шалашаши» «шалашами», однако после ремонта многие из них в приличном состоянии. И довольно об этом. Я специально отвел Рэмо-ну место в этом лайнере, потому что там не такой жесткий формат регистрации. Просто проверяют документы, а сканирования сетчатки на предмет идентификации и ряда других проверочных процедур – там нет.

– Вот потому на «Леммах» и разъезжают разного рода негодяи! – заметил Гендаль Эрккин, который сам (по общепринятым аррантским нормам морали) вполне соответствовал хлесткому ярлыку «негодяй».

– Вот потому я и хочу отправить вместе с сыном тебя, – в тон ему заметил ллерд Вейтарволд. – Чтоб ты, если потребуется, защитил его. Взамен я предлагаю свою благодарность, а вместе с ней – новый дом и пожизненное содержание твоей жене, а тебе лично – что попросишь. Когда вернешься, разумеется.

– Вот так, да?

– Это мое последнее слово. Так ты согласен?

Гендаль Эрккин отвернулся и прояснившимся взором смотрел, как плывет и тает в посебрившихся сумерках пылающая громада моста Ардейо – сотни подсвеченных изнутри тон-

нелей, фонари эстакад, оптико-волоконная подсветка дорожного полотна... Не поворачиваясь к сиятельному собеседнику лицом, он спросил:

– А все-таки почему на «шалаше»? Потому что их не инспектируют Аколиты церкви? И вообще... никто не подумает, что сын самого Вейтарволда, Предвечного, может оказаться на борту этого летающего сарая, идущего курсом на Зиймалль?..

– Ты все правильно понял. Ну так что? Твое решение? «Собственно, нечего тут особенно думать», – проползло в голове Пса. Редкий шанс обеспечить себя и жену выпал ему, выпал без ущерба для его гордости, которая, несмотря на все удары и пинки, наносимые жизнью, оставалась все такой же болезненно чуткой. Гордость, которой он никак не желал поступаться, отчего и не принял руку помощи всемогущего главы Совета Эмиссаров... А что теперь? Теперь сам Предвечный просит его о помощи. Нечего думать, нечего!.. Даже путешествие на Зиймалль-ол-Дез его никоим образом не смущало, а в глубине души даже радовало – волновалась и пела беспокойная бродяжья натура, отвыкшая от оседлого образа жизни, от дома, от постоянных привязанностей и привычного уклада. Гендаль Эрккин повернулся к Вейтарволду, в полной тишине ожидавшему его ответа у точащегося нектаром фонтана, и произнес:

– Я согласен.

Ллерд Вейтарволд еле заметно склонил голову в знак благодарности, и сверкнул, рассыпаясь лимонными отблесками по всему балкону, огромный желтый камень каллиат во лбу Предвечного.

Глава 4 (от Рэмона Ррая) ПРОВОДЫ И ПОПУТЧИКИ

Я совершенно уверен в том, что мой отец не может меня любить. Такие люди, как он, очень не любят показывать свои чувства. и уж тем более не хотят вдвойне, если их, этих чувств, нет и никогда не было. Хотя я могу ошибаться. Как бы мне хотелось ошибаться. Быть может, где-то в глубинах его существа притаилось нечто такое, что я смогу когда-нибудь назвать привязанностью ко мне. Только ведь все равно – не узнаю. Никогда...

Да и не может существо, облеченное ТАКОЙ властью, поддаваться эмоциям. Человек, в кулаке которого целые миры зажаты, уже и не человек вовсе. Недаром такие, как он, пожизненно получают титул Предвечного, и этот титул не передается по наследству, как многое другое. Деньги, например. Недвижимость...

Впрочем, я не люблю рассуждать об этом.

...Очень несвоевременно умер этот князь Гьелловер, но еще более несвоевременно он воскрес. Передумал умирать, или же ему не захотелось служить удобением для земли, в которую монахи-Аколиты будут потом сажать свои радостно плодоносящие сельскохозяйственные культуры. Конечно, мне не следовало пить коньяк. Кажется, так называется этот крепкий напиток, которым меня в свое время впервые угостил отец. Тем более что потом я попробовал из фляги Вийлелля другой вид этого «зиймалльского нектара». Кажется, во взаимодействии они превратили мое тело и мои мозги в полигон, где испытывают новое оружие с непредсказуемым воздействием на окружающую среду.

Я проснулся от того, что на меня с шипением осел потолок. Он прыгал и изгибался, как спятивший морской скат – мерзкая плоская рыбина, скользкая и смертельно опасная. Я задержался, разбрасывая руки и ноги в разные стороны, и тут на меня одним хищным прыжком бросилось и напольное покрытие. Конечно, я не успел уклониться, и меня больно ударило в бедро. Тут я окончательно проснулся и обнаружил, что я всего-навсего упал со своего спального ложа.

Так. Кажется, пора просыпаться. Голова раскалывается. Все-таки предательская штука это зиймалльское пойло. С ним как с легкомысленной женщиной: накануне не можешь остановиться, а потом, как опомнишься и откиснешь, думаешь, и зачем, дескать, все это нужно было? Не пойму.

Я забарахтался на полу. Нет, нужно добраться до распределителя климат-контроля и проветрить спальню... а еще, наверно, нужно искупаться. Ион-вода с добавками, чаша майлового сока, легкий завтрак – и все должно быть в порядке. Гьелловер, Гьелловер!..

– Рэмон!

Это грянуло в голове, как будто ударили изнутри тупым, гулким клином. Я поднял голову и увидел, что в обрамлении мутных радужных пятен, плывя, подтекая и дробясь, – в дверях стоит отец. У него каменное лицо, серые губы поджаты, взгляд, кажется, такой, что у каменных статуй в магистральной галерее – вполне живые и доброжелательные, подвижные лица в сравнении с НИМ... Вот таким. Он сказал:

– Рэмон, поднимайся. Приведи себя в порядок. У меня к тебе разговор.

– Я что... в твоём доме?

...Я даже не понял сразу, что вовсе не у себя. Хотя помещение, ну в точности моя спальня. Впрочем, сымитировать размеры и интерьер моего дома для отца не проблема – все это делается чисто автоматически за очень короткий срок. Я у него? Нехороший, недобрый знак. Последний раз он оставлял меня у себя на отдых, когда случилась скверная история с подводной охотой на морских скатов. Нас тогда задержал патруль, и был большой скандал. Особенно если учесть, что моя тогдашняя подружка Колри каким-то образом деблокировала

инстинкт агрессии у хищной рыбыны гьерры¹⁹, и та оттяпала ей ногу до половины лодыжки. Хорошо, успели пришить. Очень удачно, даже иннервировали без потерь...

Я повторил:

– Я в твоём доме?

– Совершенно верно. Дрыхнешь уже давно. Вторые сутки²⁰ пошли.

– Это что же, мой кот двое суток не жрет ничего?.. – Я сделал резкое движение, пытаюсь вдруг и сразу обрести вертикальное положение, но голову пронзило такой острой болью, что я тотчас же повалился обратно и замычал. Я не видел отца, но смутно чувствовал, что он не отрывает от меня пристального взгляда, и этот взгляд, несложно предположить, далек от восхищения. Потом донесся его голос:

– Кот? Ты думаешь о своей нечистой твари, когда...

– Он чистый, я его каждый день мою – и...

– ...когда я не знаю, что делать с тобой самим?! А известно ли тебе, что Предстоятель Астаэр подал запрос в муниципалитет на имя самого градоначальника, князя Айоля, и параллельно внес предложение в Суд, чтобы Верховный Судья Галиматтео, сам Бальтарт-бер-Кайль, оценил целесообразность и правомерность этого запроса? Между прочим, в нём говорится, что ты нарушил Закон и должен быть сурово наказан. Невзирая на заслуги и регалии твоего отца. Меня!!!

– Да эти храмовники вечно придираются и...

Я осекся. Смысл слов отца дошел до меня не сразу, он впитывался, как пересохшая кожа впитывает влагу – по капле, постепенно, но уж общий эффект неотвратим, как закат солнца!.. Запрос в муниципалитет был дурным знаком... Это если говорить в изрядно смягченных тонах. А уж если по существу, то такие запросы нередко кончались самым прескверным образом, вплоть до рудников планеты Керр!..

Я поднялся. Меня снова качнуло, но теперь я удержался на ногах.

– За что? – спросил я.

– А ты не помнишь?

– Н-нет.

– А что ты вообще помнишь?

– Мы отправились на церемонию. Платформа опускается вниз, к поверхности планеты. Погребальная роща... Рассажены деревца, монахи-Аколиты... Несносный Вийлелль. Потом начинается прощание с князем Гьелловером. Потом... потом его, наверно, похоронили – а дальше... Дальше н-не припомню. Ты же сам привез мне эти напитки с Зиймалля, сказал: вот, попробуй, забавная штука и очень такая... своеобразная. Ну вот.

– Вот!!! – вдруг заревел он, и, о Единый, как же исказилось его лицо!..

Он шагнул ко мне, перегнулся, и показалось, что сейчас на меня обрушится все сущее. Как он огромен! Никогда еще, верно, мне не приходилось видеть отца в таком стихийном гневе, когда, быть может, он даже был способен ударить меня, бросить на пол и растоптать, как дешевый свиток с лживыми письменами. Он однажды так сделал, когда какой-то заезжий эксперт продал для его коллекции древний раритет, оказавшийся скверной подделкой.

– Вот именно!! – гремел он, между тем как я пытался, пока не уткнулся спиной в опорную колонну потолочного перекрытия. – Ты даже не знаешь, ЧТО ты наделал! Мало того что ты напился и осквернил своим видом церемонию, испоганил самую суть древнего обряда!! Мало того, что ты вел себя вызывающе, так нет же, тебя угораздило зачем-то взять с собой эту

¹⁹ Хищная рыба, обитающая в двух из трех океанов Аррантидо и представляющая собой нечто среднее между акулой и барракудой. Ядовита. Отдельные эк-земпляры достигают 7 метров.

²⁰ Сутки на Аррантидо-дес-Лини составляют 41 час 18 минут, то есть примерно 1,72 земных суток.

проклятую бигойю, а потом вогнать ее прямо в горло Гьелловера! Может, это не случайность? Может, это злой умысел, и тебя кто-то подучил?

Не понимаю. О чем он говорит?! Кто меня чему-то подучил? Воткнуть бигойю в глотку князя Гьелловера?! Слабые, полузадушенные воспоминания чего-то такого, имевшего место в ушедшей реальности, вяло заворочались в черной пропасти памяти. Голова, голова!.. Я выговорил:

– Злой умысел? О чем ты, отец?!

– Я о том, что ты воткнул эту штуку прямо в Гьелловера и всех перепачкал кровью. Не нашей, аррантской, а – ЧУЖОЙ, густой, темно-красной и сладковатой на вкус. Она не светлеет, не обесцвечивается. Понимаешь? Гьелловер зашевелился и сел! Не укладывается в башке, а? Благодаря тебе выяснилось, что один из членов нашего рода – асахи!!! Хотя считалось, что ТАКИХ существ давным-давно вырезали, искоренили, и саму память о них предали забвению. Да и вообще не может быть никакой памяти, потому что никаких асахи не существовало! А теперь перед Предстоятелем Астаэром выясняется, что это вовсе не так...

Кажется, вспышка его гнева иссякала. Если в середине речи отец еще сверкал глазами и сжимал челюсти так, что под кожей вздувались желваки, то на последних репликах он говорил, чуть задыхаясь и делая большие, утомленные паузы между словами...

И тут я припомнил кое-какие подробности недавней церемонии, которые могли бы сойти за обрывки дурного сна, замешанного на яркой, неправдоподобной фантазмагории. Глаза Гьелловера, его слова... О Неназываемый, значит, все верно?! Но как же может быть, что хоронили человека, который толком и не умер?!

...Позже я много раз воссоздавал в памяти этот наш разговор с отцом, всякий раз удивляясь тому, как же много я тогда не понял. Ведь тогда был один из тех редких моментов в жизни ллерда ВейТарволда, когда он на некоторое время ослабил самоконтроль. Столько полунамеков, прямых и косвенных указаний на истину я упустил, потому что был взъерошен, растревожен, смят свалившимся на меня ужасным несчастьем! И самое неприятное – во всем виноват был я сам.

Сам...

– А что такое асахи, папа? – быстро спросил я и тут же крепко зажмурился. Страшно! До меня донесся глуховатый голос отца, чеканящий слово за словом:

– Если тебе объяснять еще и ЭТО, то тебя легче убить, чем высылать с планеты. Впрочем, я скажу. Хуже, чем ты сам себе устроил, уже не будет. Я сам не особенно сведущ в этом вопросе. И не хочу быть сведущим!.. Даже если бы была такая возможность. Ну так вот... Асахи – это понятие из огромного и древнего пласта знаний. Эзотерическое, нарочно затемненное и табуированное. Есть мнение авторитетных богословов, что в древности нарочно вытравили из людской памяти все сведения об асахи и смежных знаниях – выггли как язву, вытравили как паразита! Наверно, только в хранилищах Храма можно найти определенные данные о том, что такое асахи. Конечно же Предстоятель Астаэр знает... должен знать об этом проклятии нашего мира, если он так реагировал на твою выходку и на... – голос отца, железного Вейтарволда, ненадолго пресекся, – и на то, ЧТО ПРОИЗОШЛО с князем Гьелловером. Впрочем, сомневаюсь, что существо, поднявшееся с холма священной могильной земли, БЫЛО князем Гьелловером!

– Ничего себе объяснил! – пробормотал я. – Сказал, а вроде бы и ничего не сказал, только мути навел. «Эзотерическое понятие»... «огромные и древние знания»... Да я сам понимаю, что сведения об этом вашем «асахи» вряд ли обнаружу... ну, в инструкции к набору биокерамики, например. Огромные и древние!..

Он подошел ко мне и, ссутулив широченные плечи и склонив голову, произнес, не глядя на меня:

– Я принял решение. Тебе нельзя оставаться в Галиматтео. Тебе нельзя оставаться на Аррантидо. Ты должен покинуть планету.

Я тупо смотрел на него и моргал. Это заявление прозвучало... не буду оригинален – как гром среди ясного неба.

– Ты должен покинуть планету, – повторил он.

Тут я несколько пришел в себя. Покинуть планету?! По какому такому праву он распоряжается моей жизнью и моим правом самому принимать решения?! Кажется, я достиг совершеннолетия и могу самостоятельно выбирать, что мне следует предпринять и куда отправиться! Я вскинул голову и промолвил с очевидной дерзкой ноткой в голосе:

– Покинуть?! А если я никуда не собираюсь? А если мне и здесь хорошо?

– А что ты скажешь, если я прикажу посадить тебя на пассажирский лайнер и отправить путешествовать куда-нибудь на территории Избавления, куда-нибудь в район созвездия Девы?

– А я вернусь обратно первым же рейсовым звездолетом!

– Ладно, не будем втягиваться в ненужные мелкие дразги. Не стоит, Рэмон. Я лучше представлю тебе твоего спутника. Он будет сопровождать тебя в дороге. И еще – первое время на том месте, куда ты прибудешь. Мне все-таки кажется, что тебя ждет не очень простая адаптация в новых, непривычных условиях. Он тебе поможет.

– Он? – выговорил я неверным, ломким голосом. Металлическая интонация в голосе отца, кажется, обещает неприятный сюрприз... Не иначе.

– Эрркин, войди!

Я поднял глаза. Дверная панель бесшумно поехала вверх, открывая арочный проем, и в нем появилась приземистая широкая фигура, показавшаяся мне почти квадратной. Владелец оригинального силуэта сделал несколько крупных шагов, топоча и заметно раскачиваясь, словно пол под ним шатался и балансировал. Я увидел его поближе, прищурился... Ох! Ну и рожа! Черные бусины глаз глубоко засели в широком лице, мощные надбровные дуги придают физиономии угрожающее выражение. Щека изуродована так, что даже сложно определить, где его так угораздило. Вздергивающаяся подвижная верхняя губа открывает неровные белые зубы. Да-а-а! Этот узкий морщинистый лоб, тяжелая нижняя челюсть и широкий кривой нос – кажется, судьба сводит с меня с типичным представителем несносного племени гвеллей – смутьянов и неотесанных скотов! По крайней мере, иного о гвеллях мне слышать не приходилось, а внешность этого типа полностью подтверждала все самое худшее, что я когда-либо слышал об уроженцах планеты Гвельхар! Урод сопел и топтался, при этом даже не удусуживаясь толком меня разглядеть. И от него пахло каторгой. Каторгой и планетой Керр. А эта изуродованная щека... ну конечно, это кислотный ожог! Кислотные дожди, убившие на поверхности проклятого Керра все живое... Наверно, папаша поднял свои старые связи, ведь он в свое время (давно это было) занимал какую-то руководящую должность там, на руднике! Нет никаких сомнений. Никаких сомнений!.. К тому же нужно быть крайне ненаблюдательным либо просто не в себе, как я сейчас, чтобы не заметить... не заметить роковой отметки на мочке уха – одной, а чуть повыше, на большой ушной раковине этого квадратного типа – второй и третьей. Нестираемой отметки лазером об отбытии наказания. Каторжник! Рецидивист!

– Я не понял... Ты что, хочешь отправить меня из Галиматтео вот с этим типом, чтобы он болтался со мной бок о бок всю дорогу?

– Не из Галиматтео, а с Аррантидо, вообще с планеты, учти! И не всю дорогу, а еще и там, куда я тебя направлю. Так что, думаю, вам следует познакомиться и как можно быстрее притереться друг к другу. Чем раньше это произойдет, тем лучше для тебя, Рэмон.

– «Притереться»?! Да у него такой вид, как будто он только вчера вернулся с каторги... с проклятой планеты Керр!!!

– Почему вчера? – заговорил квадратный, и его мертвая щека, изъеденная страшным ожогом, заметно дернулась. – СЕГОДНЯ. Я вернулся с Керра только сегодня.

Я вздрогнул и судорожно выпрямился, как будто к спине приложили раскаленный металл. Станный голос у этого широченного гвелля. Сильный, глубокий, хриловатый, вроде бы и грубый, но все равно не вязущийся с его внешностью. Наверно, потому, что проскальзывают в нем плавные бархатные нотки, которые мне до сей поры приходилось подмечать у разумных существ совсем иного порядка, нежели этот каторжник с уродливой рожей и темными, быстрыми глазами. Пересохло во рту. Я нервно дернул головой в поисках какой-либо жидкости, произнес:

– И куда же, по-твоему, я должен отправиться в сопровождении этого... хм... господина?

Тут отец впервые позволил себе улыбнуться. Улыбка, острая и опасная, о которую несложно и пораниться глубоко, до крови – прорезала его строгое лицо. Он ответил:

– Здесь я, верно, тебя не разочарую, если принять твой отъезд в аксиоматическом порядке. Ты полетишь на Зиймалль-ол-Дез. На родину твоих излюбленных напитков. Правда, ты не сможешь открывать свое происхождение. И вообще я запрещаю тебе ссылаться на меня. Ты уже и так злоупотреблял моими именем и влиянием. Ну, хотя бы на погребении князя Гьелловера, когда люди из Высшего Надзора получили приказ о твоём задержании, – утвердительно добавил он, прочитав в моих глазах отчаянный вопрос.

Спорить было бесполезно.

К вечеру следующего дня мы прибыли в космопорт, к которому был приписан Галиматтео. Собственно, космопорт, хотя и не таких размеров, имелся и на несущем гравиплато самого Пльвущего города, но отец посчитал нежелательным, чтобы мы отбыли рейсом с Галиматтео-II, базового порта мегаполиса. Потому пришлось тащиться в пустыню Уль-Барра, одно из немногих мест на планете, где разрешались наземные постройки вне юрисдикции Храма. Впрочем, Храм легко понять: польститься в Уль-Барре решительно не на что, и даже самый завзятый природоненавистник едва ли мог сделать больше, чем уже содеяло неистовое солнце.

Едва ли возможно найти в нашем мире нечто более бесплодное, чем выжженная, расстрескавшаяся почва Уль-Барры. Порывы раскаленного ветра налетали, взвывая хоботки желто-серого песка, выметая его из обсаженных белым соляным налетом трещин в почве. В воздухе непрестанно стояли тучи колючей, остро впивающейся в глаза пыли. Выйдя из транспортного бота, отданного в наше распоряжение отцом, я прошел буквально несколько шагов вне защитной зоны космопорта... Этого вполне хватило, чтобы на теле вскипел пот, одежда налипла на кожу, а на зубах захрустела пресная меловая пыль. Рот забился ею и мелким песком, попал в глаза, и я был вынужден зажмуриться, чтобы, преодолев невидимую границу территории космопорта...

...провалиться в блаженно мягкую, в меру насыщенную драгоценной влагой прохладу. Я повернулся к шагающему рядом Гендалю Эрккину и, отплеываясь, выговорил:

– Чертов пилот! Не мог посадить нас чуть ближе к космопорту? Побыл я на этой жаре всего ничего, а уже!..

Этот чертов гвелль, кажется, и не понял, на что я жалуюсь. Сам он, такое впечатление, ничего не почувствовал. Даже не зажмурился, хотя клубы пыли, там, за невидимым барьером защитного силового поля, так и лезли в глаза.

Давно мне не приходилось бывать в космопорте. А уж в космопорте Уль-Барр и подавно. По чести сказать, космопорт Уль-Барр расположен в одном, из самых мерзких мест на Аррантидо. Хотя в детстве, помнится, я любил как раз вот такие заброшенные, полностью непригодные для жизни пространства, где можно с особенной остротой почувствовать свою оторванность от мира Пльвущих городов. От выстроенного в четкую иерархическую и традиционную систему уклада нашей жизни.

Сдавленно мякнул кот Мех в своем обиталище – кондиционированном резервуаре, который я нес на руках. Чего орешь, котяра?.. Сиди себе в ящике и наслаждайся идеальными условиями. По крайней мере, моему пушистому любимцу не привелось испытать, что такое

пространство пустыни, не ограниченное силовыми барьерами, как это – хоть и на чуть-чуть – выпало мне.

Эркин указал толстым пальцем на полусферическое здание космопорта, серое, угрюмо нараставшее прямо из скалистой почвы и казавшееся бы естественным продолжением пустынного ландшафта, если бы не вставные секции из синтетического нуностекла, пологой спиралью охватывающие здание космопорта по окружности.

– Регистрация, – сказал Пес. (Ну и имечко!..) – Приготовь документы заранее.

Я ничего не ответил. Видимо, большие полномочия вверил ему мой отец, раз этот Гендаль Эркин распоряжается без оглядки на то, думаю ли я вообще слушать его ценные указания...

Мы вошли в регистрационную галерею космопорта. Наш рейс отправлялся через час. так что не было смысла торчать в залах ожидания и тем паче в комплексе Короткого времени, как в подобных общественных местах (типа космопорта) именуют разного рода развлекаловку с азартными играми и девочками. Уж и не знаю, но когда я увидел в регистрационной галерее группу Аколитов, у меня внутри вдруг что-то перевернулось, сдавливая внутренности, и я почувствовал, как по коже продирает неприятным, сырым холодком.

Я оглянулся на Эркина. Квадратный урод стоял у голографической витрины, выставляющей напоказ аттракционы комплекса Короткого времени, и рассматривал своими гляделками голую девку, извивающуюся всем телом и раскидывающую в стороны руки и ноги. Эркин уставился на ее мелко трясущиеся сиськи так, как будто ни разу не... Ах да! Он же только вчера вернулся с планеты Керр! Ну вот, только этого мне не хватало! А если он к тому же неразборчив в связях и будет ко мне... тьфу! В таком случае его нужно приставлять к Вийлеллю, тот у нас известный любитель гвеллей!..

Регистрация на рейс прошла без осложнений. Нет, конечно, я косился на монахов-Аколитов, но они вели себя мирно, к тому же едва ли могли узнать меня в лицо. Я немного подкорректировал свои черты: чуть растянул рот, сделав его ехидным, и несколько удлинил нос. Как сяду в «шалаш», верну себя в исходное положение...

«Лемм» стоял на запасном стартовом поле в световом кругу безопасности. Вокруг него сновали приземистые медлительные гравикары, развозя пассажиров. Мы на ходу запрыгнули в один из них. Я крепко, до судороги, вцепился обеими руками в вертикальную стойку, отполированную до зеркального блеска, а Эркин скомандовал что-то хриплым голосом, не глядя на меня... Гравикар послушно направился к «Лемму» и пришвартовался сразу к третьей палубе, где располагалась наша каюта. Оглядывая «шалаш», я в сотый раз отпустил в адрес папаши сочное ругательство. Нет, это сооружение решительно не вписывалось в мои представления о приятном межзвездном путешествии! Когда я последний раз отправился в круиз (кажется, вместе с Альвией, хотя, быть может, это была и Кьенна... то есть Бьенна), я разместился в люксовых апартаментах фешенебельного лайнера – со всеми удобствами и встроенным блайд-стимулятором!.. А «шалаш»? Приходилось ли вам видеть, что это такое? Полагаю, что всякий уважающий себя человек должен твердо ответить «нет»! Что такое звездолет серии «Лемм»? Неуклюжий корпус, похожий на вздутое жабы брюхо, тут же – глупо торчащий кормовой отсек, похожий на нос, который суют не в свое дело! Устаревшая обшивка из анизотропного сплава... забыл его название, но точно помню, что анизотропные сплавы – это позавчерашний день, их применяют разве что в сельском хозяйстве эти несносные Аколиты!.. В общем, путешествовать на «шалаше» – удовольствие ниже среднего.

Это я почувствовал особенно остро, когда мы переправились с гравикара на борт «Лемма». Здесь пахло какой-то прогорклой гадостью, как будто испортилось масло. Палуба грязная, панели контрольных входов отъезжают с таким скрежетом, как будто их главная функция – издавать мерзкие звуки!.. Я шел по коридору, все более ускоряя шаг, потому что искренне желал попасть в свою каюту, запереться и никого не видеть, в первую очередь – рожу

этого Пса, который вышагивает за спиной и топчется меж моих лопаток тяжелым взглядом! Но, как оказалось, – не тут-то было. Побывать в одиночестве мне было не суждено.

Оказалось, что я должен разместиться в четырехместной каюте. Вместе с Эрркином и еще какими-то двумя соседями, чтоб их!..

Уяснив ситуацию, я долго и бессвязно ругался. Это уж слишком! Кажется, мой папаша, хоть и является одним из первых вельмож и богачей Аррантидо, явно поскромничал. Я могу еще понять, почему он заставил нас лететь на этой развалине – «шалаше»! Но ведь можно было предоставить отдельные каюты или по крайней мере двухместную – черт с ней, с этой скверной квадратной рожей Пса! Так нет же, папочка уготовил нам путешествие в четырехместной каюте эконом-класса, где летает публика, имеющая в гардеробе по два дырявых пеллия, не более того!..

Сволочь!

Зато на физиономии Эрркина, кажется, отпечталось совершенное удовольствие. Он тщательно, будто собирался тут жить, оглядел каюту: общее помещение и все четыре индивидуальных отсека, отделенных от основной каюты только узенькими переборками и отъезжающими панелями, изношенными и потому визжащими, как баба на сносках. Потом бухнулся на кушетку и подвел итог наблюдениям:

– А что, Рэм, старина! Довольно недурно устроимся. К тому же по сравнению с грузовым отсеком конвойного транспорта, на котором меня вчера доставили на Аррантидо, тут...

– Да ладно тебе биографию свою травить, – оборвал его я. – Вон, соседи подтянулись.

Я немного покривил против истины. Не соседи – сосед. Дверная панель, противно скрежеща, отъехала, и в каюту вошел человек примерно моего роста и одетый чрезвычайно живописно, если не сказать сильнее... гм... эксцентрично. Во-первых, на нем были штаны с аккуратной складочкой спереди и сзади. На ногах вместо удобных сандалий красовались какие-то наглухо закрытые и плотно зашнурованные опорки, к тому же сделанные, кажется, из кожи. Самая же диковинная часть одеяния приходилась на верхнюю часть тела. Это был коротенький, чуть ниже пояса, плащик с отворотами, с подкладками на плечах для визуального расширения фигуры и с нашитыми на запахе костяными побрякушками²¹. Впрочем, лицо у этого чудака было приятное и приветливое, и первое, что он сделал, это отвесил нам благожелательный полупоклон и сказал, чуть растягивая слова:

– Приятного вам путешествия. Будем знакомы. Правда, после такого вступления он и не подумал назвать свое имя, а присел напротив Эрркина Пса и уставился на него мягким, бархатистым взглядом. Я с минуту помолчал и сказал:

– Да какое там приятное путешествие? Разве вам не известно, уважаемый, что эти пассажирские лайнеры, ветхие звездолеты марки «Лемм», называют не иначе, как «шалашами»? Никогда раньше не доводилось удостовериться в справедливости этого прозвища? Повезло... Ну что ж, зато теперь в полной мере...

– Да ладно тебе, Рэм! – примирительно оборвал меня Эрркин.

Я открыл было рот, чтобы дать достойную отповедь нахалу, но тут появился еще один сосед. Последний, четвертый пассажир нашей каюты.

Точнее, пассажирка.

Я сразу уставился на нее. Необычная внешность!.. Вне всякого сомнения, она не была арранткой. Для этого у нее была слишком смуглая, необычного глубокого оттенка кожа, слишком продолговатые глаза миндалевидного разреза, необычная линия профиля, с прогибом в районе переносицы²²; зато фигура!.. Я даже облизнулся невольно, как мой кот на лакомство,

²¹ Так замысловато Рэмон Ррай описывает обычный пиджак. Что же касается «костяных побрякушек», то это всего-навсего пуговицы, которые не используются на Аррантидо-дес-Лини.

²² У аррантов линия лба и носа чаще всего образуют одну прямую. Кстати, сходный профиль на Земле был у древних греков.

когда разглядел ее фигуру! Я подспудно ловил себя на мысли, что фигуры арранток меня чем-то не устраивают, несмотря на известное изящество и пластику. Собственно, изыяны эти я не смог бы обрисовать словами, да и не было этих изыянов, как таковых. А вот наша новая соседка...

Нет, решительно она не аррантка и тем паче не гвеллина. Последнее вообще исключено: женщины Гвелльхара грубоваты, у них тяжелые бедра, короткие толстые ноги и сильные плечи. То же касается арранток... Впрочем, какой смысл рассуждать об аррантках, если она явно к их числу не принадлежит? У девушки были высокие скулы, которые придавали ее лицу какое-то нездешнее выражение, совершенно не встречающееся у моих землячек... И взгляд – необычный, я сразу это отметил. Аррантки никогда не смотрят в глаза, а скользят поверх вас каким-то рассеянным взглядом – с таким видом, словно им совершенно не до вас, мол, они так заняты, так заняты, что им и глянуть-то некогда!.. При этом любопытство и склонность совать нос не в свои дела – поразительные, и это касается всех дамочек Аррантидо! Те же гвеллины, несмотря на их топорность и неотесанность, куда приятнее в общении, они по крайней мере искренние.

А эта девушка смотрела прямо на нас, улыбаясь во весь рот, а потом сказала:

– Здравствуйте. Меня зовут Аня.

У нее милый акцент. Она не тянет слова, а произносит их разом, быстро и не очень отчетливо. Да, она не наша. У нее даже волосы уложены не так, как это делают аррантки. Мои землячки очень любят изощряться над прической, и все это от избытка свободного времени и изобилия технологий в области парикмахерского искусства. До чего только не дошли наши стригали! В ход идут броши со встроенными генераторами силовых полей, чтобы закреплять прическу получше всяких гелей; программируемые коллоидные газы с перестроенной молекулярной структурой, чтобы прическа сама могла меняться в зависимости от времени суток и погоды; хитрые аллювиально-хроматические красители, меняющие цвет... да мало ли чего еще!

А у этой девушки светло-пепельные волосы были свободно распущены по плечам, волнистая прядь небрежно и так мило падала на лоб, раскручиваясь, как пружинка. Светло-голубое платье оставляло открытыми плечи, и по смуглой золотистой коже гуляли мягкие отблески от ламп под потолком. Глаза словно подсвечены изнутри лукавым зеленоватым огоньком, как воды прохладной лагуны в щедрый жаркий полдень. Большой влажный рот, капризные утолчки губ... платье приталено и узко в бедрах, и когда она подалась вперед, у меня перехватило дыхание. Ух ты!.. Решительно, это путешествие может оказаться не таким уж и мерзким, как я себе мыслил изначально. Если у них на Зиймалле все девчонки такие, то, быть может, не так уж и ужасно будет отлучение от Аррантидо и Плывающих?.. А я-то представил себе загаженную дикую планету, населенную тупыми и злобными дикарями, которые давно бы уничтожили друг друга своими дурацкими ядерными бомбами, не разверни мы миссию Избавления.

– Аня, – повторила девушка и улыбнулась. Кажется, мне.

– Ання? – переспросил Эрккин. Даже этот горелый и травленный кислотой каторжный пень расшевелился при виде такой прелести. – У вас какое-то такое имя... не местное. Вы что... оттуда?

– То есть? – Она улыбнулась и присела на диван. – Откуда – оттуда?

– Ну... с Зиймалля?

– А вам что, приходилось уже у нас бывать?

– «У нас»? – вмешался я. – Значит, вы с Зиймалля. Понятно. Летите домой? А как же с декретами о запрещении посещения Аррантидо тамошними жителями? Я думал, что Аррантидо-дес-Лини закрыт для аборигенов с территорией Избавления...

– Так нет же, – вмешался тип в странном одеянии, который появился в каюте перед Аней. – Два года назад была принята поправка к декрету, который вы только что упомянули. Земляне, которые получили регистрацию второго уровня в ОАЗИСах Избавленных террито-

рий, могут пользоваться услугами пассажирских гипертоннелей. Эта поправка к декрету. – важно продолжал человек в дурацкой одежде, – была принята по личной инициативе самого главы Совета Эмиссаров. Предвечного ллерда Вейтарволда! (Я вздрогнул, когда он упомянул моего родителя, и надо же – едва ли не в самой первой своей фразе!) Правда, на военные звездолеты Звездного флота по-прежнему допускаются только арранты и те из гвеллей, что прошли регистрацию в одном из Плывущих городов Аррантидо. Вот вас пустили бы на корабль Звездного флота. – кивнул он Гендалю Эрккину, быстро касаясь взглядом правого уха Пса, где значились отметины о трех отбытых наказаниях. – Правда, не в легитимном качестве. Ладно, я вижу, этот поворот разговора вам не очень приятен. Меня зовут Рэмом Класус. Будем знакомы.

– Эрккин, гвелль, – буркнул Пес, и по его лбу прокатились тяжелые кожные складки, в которых нашел бы свою гибель самый крупный и свирепый буррит.

У Класуса едва заметно дрогнули губы, а я сказал:

– Мы с вами тезки. Меня зовут Рэмон Ррай, и я...

ТЬфу! С языка чуть было не сорвалось то, о чем мне строго-настрого запретил говорить отец. Я опять едва не назвал его имя и оборвал себя на полуслове. Наверное, у меня стало чрезвычайно смущенное лицо, потому что по лицу Класуса промелькнула тень, а Эрккин откровенно покосился и, дернув своей щекой, подтолкнул меня локтем в бок.

Уф, как бревном пихнули! Локоть у него просто каменный.

– Ну вот и познакомились, – сказала Аня. – Очень рада. Все-таки нам с вами трое суток вместе лететь.

– Двое, а то и чуть меньше, – поправил я.

Класус живо вскинул голову и проговорил:

– Вы, значит, на Землю в первый раз? Там сутки меньше наших, и Аня пересчитывает время так, как это принято у них. А вы долго были у нас на Аррантидо?

Он держится с ней очень по-свойски, запросто. Обычно мои милейшие соотечественники говорят с жителями и о жителях территорий Избавления, и об обитателях Зиймалля в том числе, в эдаких снисходительных тонах, с модной ноткой сочувствующего презрения. А этот занимательный Рэмон Класус... У него другой подход. И вообще. Насколько я понимаю, он одет именно так, как принято в подобный сезон одеваться у жителей Зиймалля. Приготовился заранее. И с аборигенкой... гм... то есть с представительницей тамошнего коренного населения, говорит весьма уважительно. Может, просто понравилась? Конечно, как может не нравиться девушка с такой непривычной, свежей внешностью, с такими доверчивыми глазами, которые сами по себе, даже без этой точеной фигуры, способны вызвать взрыв первородных инстинктов?.. Ох, Рэмон, Рэмон, наделаешь ты дел, подумал я и тотчас же поймал себя на ощущении, что говорю и думаю вовсе не о Класусе, а о себе. Да, пожалуй, все-таки о себе.

Я поймал ее быстрый взгляд и вдруг почувствовал подспудную неловкость перед ней, что путешествую в обществе такой образины, как Гендаль Эрккин. С особенной отчетливостью, до болезненности чувствительно воспринимались его квадратные плечи, напоминающие утес, его тяжелая физиономия, изуродованная кислотным ожогом, и черные бусины глаз, глубоко засевшие в темных глазницах. И ведь он приставлен ко мне, чтобы блюсти мою мораль и не допускать, чтобы я безобразничал в пути и там, на далекой родине вот этой чудной девушки. Папаша нашел достойного наставника!..

Между тем мой тезка, Рэмон Класус, любезно улыбался и, чуть склонившись к Ане, говорил ей спокойным, солидным, этаким упитанным голосом:

– Вы знаете, я неоднократно бывал на вашей родине и, честно говоря, не могу понять, почему иные мои соотечественники позволяют себе уничижительно высказываться о вашей планете. Мне приходилось видеть планеты куда более отвратительные... Населенные непонятно кем... мыслящее желе, мокрицы какие-то, разные вонючки... Лично я нахожу, что

Зиймалль – чрезвычайно своеобразная и очень уютная, красивая планета. И жители ее удивительно похожи на аррантов...

Меня, кажется, перекосило, углы рта пошли книзу.

– ...а еще больше на гвеллей! – закончил фразу Класус, заметив мою гримасу. – Вот милая зиймалльская девушка не даст соврать. Правда, ее соотечественники иногда позволяют себе небрежное отношение к родной природе...

– Иногда? – отозвалась Аня. – Ничего себе иногда! У нас ни Земле свинячат везде, где только можно! А где нельзя – тем более! Правда, в последнее время стало получше, но это только тех областей касается, которые близко к вашим ОАЗИСам расположены. А на остальных творится черт знает что!

Где-то далеко, за пределами звездолета, раздался протяжный звук, похожий на шипение газированного напитка. Я проговорил:

– Скоро взлет. Запускают стартеры вспомогательной системы... э-э-э... кажется, так. Насколько я помню.

– Да, скоро, – согласился Рэмон Класус и окинул меня спокойным снисходительным взглядом, как будто сделал одолжение. – Через десять минут, если применятся ко времени с земными единицами измерения.

И весь он был такой важный, неторопливо-снисходительный, с бархатными глазами и роскошной, чисто аррантской жестикуляцией, что мне – неизвестно отчего – захотелось немедленно ему врезать. Желательно ногой. Или подручным средством, это еще лучше. И – чтоб оно было потяжелее, что ли. Инстинктивная неприязнь проросла во мне, прежде, чем я успел как следует разглядеть своего тезку и соседа и уяснить, кто он, собственно, такой и зачем так вырядился (верно, с зиймалльским колоритом). Я открыл рот, чтобы высказаться, но у него оказалась звериная интуиция: Класус тотчас же улыбнулся, демонстрируя все зубы, и отозвался:

– Ну что же, предлагаю отметить наше знакомство игрой. У меня тут есть несколько игр родом с той планеты, куда мы все направляемся.

– Мы уже доигрались, – сказал я с восхитительной смесью иронии и показного смирения. Впрочем, эта смесь показалась восхитительной только мне самому, потому что ни Класус, ни очаровательная соседка, ни даже Пес не обратили внимания на мои слова. Рэмон Класус извлек из своего походного саквояжа какую-то белую коробочку. Он откинул крышку и показал нам плоские прямоугольные белые кости, аккуратно, грань к грани, уложенные в коробочку и заполнявшие собой весь ее объем.

– Это зиймалльская игра, один мой знакомый привез оттуда, – сказал Класус и вопросительно глянул на Аню: – Наверно, вам она тоже должна быть известна?

Пол под ногами еле заметно дрогнул, легкая вибрация прошла по переборкам: пассажирский лайнер, звездолет класса «Лемм», оторвался от взлетного поля космопорта Уль-Барра. Аня засмеялась, а потом, старательно подбирая аррантские слова, выговорила:

– Да. Эта игра распространена на моей родине. Ваш друг, наверно, был на одном из ОАЗИСов Евроазиатской территории, где и...

– Простите?

– Я просто назвала, то есть предположила, откуда он мог эту игру привезти. В общем, игра называется «домино». Правда, в нее играют в основном мужчины, я как-то не очень...

Класус приосанился и, потрогав переносицу, отозвался:

– Надеюсь, Аня, у вас не возникнет сомнений, что все ваши соседи принадлежат именно к мужскому полу? (Неужели этот идиот не может изъясняться по-человечески?!) Так что прошу вас... – широкий вальяжный жест, – прошу вас, учите нас. Все равно нам нужно скоротать время полета. Тут, конечно, имеется доступ к Инфосфере, но не будем же мы разминивать ваше, Аня, общество, на бессмысленное глазение на экран. Нет, конечно, можно поинтересоваться историей и культурой земель, в которые мы направляемся... Но лично я предпочел бы

услышать подробности из уст непосредственной жительницы тех прекрасных мест. Если вас не затруднит, конечно, Аня...

В этот момент мне снова захотелось прибить его. Ишь, как наловчился выражаться – цветисто да гладко! Видал я таких ораторов! Побольше, чем этот тип с масляными глазками! Я нащупал под одеждой брелок со встроенным пультом управления камеры моего кота, вслепую нажал кнопку подачи питательной смеси. Говорят, на Зиймалле коты едят рыбу. Нужно будет попробовать дать, хотя рыба, конечно, нечистое существо.

До меня донеслось довольное урчание...

– Пойду прогуляюсь, – сказал я, вставая.

– Ты куда? – вскинулся Пес.

– Не бойся, не убегу. «Шалаш» уже взлетел! – запальчиво ответил я и тут же пожалел о сказанном. Особенно об этом вот «не бойся, не убегу!». Глупо и совершенно по-мальчишески, не надо было этого говорить, к тому же в присутствии девушки. Я мачнул рукой и вышел из каюты. Голоса попугачиков начисто отсекло дверной панелью, скользящей за моей спиной и закрывшей выход. В коридоре было тихо. Под ногами хрустели какие-то крошки: похоже, лентяй коридорный напрасно получает деньги. Откуда-то сверху доносились бубнящие звуки голосов да уныло пели гравитаторы, встроенные в стены. В самом конце коридора виднелся мутный экран, на котором разворачивалась панорама открытого космоса. Ну что ж, вот мы и вышли из атмосферы... Я сощурил глаза, пытаюсь различить в беспорядочном на первый взгляд расположении звезд знакомые созвездия. Вдруг за спиной что-то хрустнуло, и я резко обернулся.

Передо мной стояла Аня и смотрела себе под ноги. На ее свежем лице медленно проступал румянец. Она кашлянула и выговорила виновато:

– Тут вот такое... Я наступила. Наверно, вы выронили.

Я посмотрел на пол. Аня убрала ногу, и из-под ее ступни попался брелок с пультом управления для кошачьей камеры. Несколько сенсоров были напрочь раздавлены, и можно было не сомневаться, что вся система вышла из строя.

Негигиеничные боги Гвельхары! Тухлая отрыжка Троллопа²³! Проклятая штуковина выпала из одежды, и теперь придется вынимать кота из климат-камеры. Неизвестно, как он, привыкший к чистоте, перенесет двое суток перелета в этих неопрятных отсеках, лишь по недоразумению называемых пассажирскими каютами! Бедный Мех!

Последнее я, увлекшись, кажется, произнес вслух. И довольно громко. Потому что Аня отозвалась, и теперь в ее голосе прорезались нежные горловые нотки иронии:

– А что, ваш кот без кондиционеров и климат-контроля не может? Вы бы его лучше погулять выпустили. Он бы порадовался. И кстати, откуда у вас кот? Я же точно знаю, что на Ар-рантидо животных на порог не пускают, а в Пльвущих городах даже крыс не водятся. Не говоря уже о собаках и кошках. Да что кошки?.. Птицы и те не залетают.

– Угу... – машинально пробормотал я, разглядывая испорченный приборчик у ног Ани. Хотя ее ноги интересовали меня, конечно же, куда больше раздавленного пульта. – Не залетают.

– Мне кажется, что вы какой-то... не аррант, что ли? – вдруг сказала она.

Непонятно почему, но я вздрогнул. Совпадение или нет, но в тот самый момент, когда она произносила эти слова, в конце коридора появились две темные фигуры. Это были Аколиты. Они проскользнули на общем фоне звездной бездны, распахнувшейся на экране, и нырнули в один из многочисленных радиальных тоннелей-переходов звездолета. Я очень чуток к таким вещам. Мне показалось, что в момент исчезновения, уже скрываясь из виду, они бросили в

²³ Божество гвельхарского пантеона. Бог обжорства, покровитель поваров и целитель органов пищеварения. Его имя часто фигурирует в идиоматических выражениях как самих гвеллей, так и аррантов, иронически относящихся и к гвеллям, и к их богам.

нашу сторону быстрые оценивающие взгляды. Я почувствовал, как немеют, не слушаясь, губы, как цепенеет язык. Ватная расслабленность навалилась на меня жарко и душно, бесстыдно проникла в каждую клеточку тела; по лбу заструились капельки пота, и я стал размазывать их по влажному лбу.

Да, кажется, крепко накрутил меня отец с этими Аколитами!.. Впрочем, у него всегда был дар убеждения. Иначе... иначе не поднялся бы до таких головокружительных высот.

– ...не аррант, что ли, – донеслись до меня слова зиймалльской девушки, как будто она произнесла их повторно. Я оглянулся туда, где в конце коридора мелькнули темные одежды и двухцветные черно-серые колпаки Аколитов. Храмовники, кажется, не очень-то охотно пользуются межзвездными транспортными линиями, только в случае крайней необходимости. Уж НЕ Я ли вынудил их?..

Я поднял голову и поймал на себе Анин любопытствующий взгляд. Искорки явного интереса поблескивали в ее темных глазах.

– Они, кажется, просили, чтоб вы объяснили... как играть в ваши зиймалльские игры, – сказал я.

– Да я уже объяснила. Они вдвоем играют. В «козла». Там правила – проще не придумаешь. Мужчины!

– Да? Уже играют?! Этот хлыщ против моего Пса?..

– Пса? Да у вас целый зверинец, Рэмон! Пес и кот. А еще говорят, что арранты терпеть не могут животных.

– Действительно, – уже спокойней сказал я, но все-таки еще раз оглянулся. Звезды взирали с экрана остро и холодно, но им не было до меня дела точно так же, как мне до них. Вот Аколиты – совсем другое дело... Да Троллоп с ними, в самом деле! Я улыбнулся Ане и продолжал: – Арранты вообще терпеть не могут животных. И меня мои земляки тоже не понимают, как я мог завести кота и дать ему имя. У нас на Аррантидо даже не все люди носят имена!.. А тут – кот.

– Как это – не все? – переспросила она.

– А вот так... – ответил я. – Бывают такие провинности, за которые человек лишается имени. Вместе с гражданскими правами, конечно. За нарушение Закона. Правда, бывают и исключения: например, личные имена не могут носить единственные наследники знатных фамилий. Они носят только родовое имя, а личное – отмирает за ненадобностью...

Постепенно я увлекся и мог бы довольно долго рассказывать об обычаях аррантов этой милой девушке – тем более что она, кажется, всем этим живо интересовалась. Но тут до слуха донесся гнусавый голос администратора лайнера, объявивший по всему звездолету о том, что в каюты поступил ужин. И всем пассажирам вменяется его жрать.

Наверно, такой порядок должен понравиться Эрркину, Все-таки он не так давно прибыл из мест, где прием пищи производится строго по графику и в приказном порядке...

Глава 5 (от Рэмона Ррая) ДУРНОЙ ХАРАКТЕР

Прищурился глаза, я смотрел на мягко светящийся экран, вмонтированный в дальнюю стену каюты. Изображение было не ахти: в углах картинки ползла какая-то мелкая черно-белая рябь, как на поверхности вечерней реки под порывами налетающего ветра. Впрочем, хоть и древен был плазменный экран, размещенный в нашей четырехместной каюте, я все-таки легко мог различить незамысловатый сюжетец, демонстрируемый на нем: лысый человечек с желтоватым, утопающим в морщинах лицом и гладкой (по контрасту с лицом) лысиной, колотил ботинком по трибуне и что-то кричал. На человечке был примерно такой же наряд, как и на Класусе. Выглядел лысый человечек весьма нелепо, и тем удивительнее было узнать, что он был одним из верховных правителей Зиймалля в канун Избавления.

– Это историческая запись, между прочим, – важно заметил Рэмон Класус. – Говорят, что командир флагмана Звездного флота долго хохотал, когда наблюдал все это в прямом эфире.

– Наверно, у этого лысого типа был дурной характер, эге, – глубокомысленно заметил Эрркин, держа в руке огромный кусок мяса, с которого щедро капал жир, и откусывая то с одного края, то с другого. Зрелище малоэстетичное, а чавкал он так, что даже заглушал высказывания лысого человека на экране. А ведь последний говорил отнюдь не шепотом, он практически орал, и, как объяснила мне Аня, его изречения мало чем отличались от фирменных фраз Эрркина. – Вот у тебя, Рэм, тоже дурной характер. Эге. Вот ты поел, а рожа все равно злая.

– Ты ж вроде мясо с самого Керра не жрешь... – буркнул я. – Снова потянуло? Стресс преодолен?

– ...все равно злая. А чего она злая? – продолжал Пес, словно и не услышав моей фразы. – Когда брюхо набито, сам сыт – должен добреть. Это по закону природы положено. Да чтоб мне Троллоп кишку узлом завязал, если я не прав. У тебя, Рэм, такая кислая рожа, словно ты пережрал незрелого мунганна²⁴. Что на меня косишься, а? Правды не любишь, что ли? Вот скажи, подруга, – повернулся он к Ане, – сама как думаешь, чего он такой кислый?

– Да что вы к нему пристали, дядя Гендаль? – запросто отмахнулась Аня и отвернулась. У меня никак не получалось так легко и непринужденно общаться с Эрркином Псом. – Не видите, что ли, не нравится ему. Дуйте свое кислое пиво, кушайте мясо и не триндите. Да ты смотри, Рэм, не обращай на него внимания. Не понимаю, как вы, дядя Гендаль, умудряетесь одновременно есть, пить, болтать и отравлять существование всем присутствующим.

²⁴ Геномодифицированный виноград.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.